

Марина Саввиных

Завещание «Минотавра»

Повесть-сказка¹

Посвящаю эту сказку
Вареньке Соловей,
вдохновительнице
и соавтору

Глава восьмая,
в которой Вера присутствует
на «суде Париса» и получает на ужин
знаменитое «яблоко раздора»

На краю поляны, на самой опушке подступившего к поляне тёмного лиственного леса, виднелась полуразвалившаяся хижина, видимо, пастушья, но давно брошенная пастухами. Однако теперь в ней явно что-то происходило: над хижиной курился дымок, внутри мелькал слабый колеблющийся свет, двигались тени...

Дети молча переглянулись и пошли на свет. А что? Кто бы там ни был — люди всё-таки. Лучше, чем ничего.

— Смотри, — прошептала Вера, раздвигая свисающую с пологой крыши солому и заглядывая в приоткрывшуюся щёлку, — что это? кто это?

В крохотной хижине оказалось неожиданно много места. Кажется, в этом странном мире Вера уже столько повидала всяческих чудес, что очередное чудо вряд ли сбило бы её с толку, но тут... Перед ней была просторная комната, обставленная как гостиная какой-нибудь знатной дамы из книжки про королей и королев. У противоположной стены, выложенной расписным кафелем, был устроен роскошный камин, возле которого в особых креслах сидели и о чём-то негромко беседовали три женщины. В одной из них Вера тут же узнала Афину — та сидела к ней влоборота, и ошибиться было невозможно. Её кресло, уменьшенная копия олимпийского трона, было украшено совами и змеями из блестящего серебристого металла; на голове — золотая диадема... «О! Какое слово я теперь знаю, оказывается!» — подумала Вера за мгновение до того, как её осенила мысль сломать голову бежать отсюда...

Поздно!

Афина, слегка повернув голову, посмотрела прямо на неё, засмеялась противным искусственным смехом и громко произнесла:

— Мы тут ума не можем приложить, где их искать и что с ними делать, а они — поглядите-ка, дамы, — сами к нам пожаловали!

С этими словами богиня щёлкнула пальцами. Вера и Парис, не успев даже ойкнуть, оказались прямо перед ней в комнате с камином.

— Только без паники! — усилием воли Вера заставила себя сосредоточиться на происходящем и постаралась незаметно оглядеться по сторонам.

При этом она крепко держала за руку Париса, который, кажется, был уже близок к обмороку.

Две другие дамы, отвернувшись от камина, теперь тоже с любопытством рассматривали невольных гостей. Одна из них, сидевшая ближе к Афине, была в пышном бархатном платье с широкой юбкой, туго затянутым корсетом и стоячим кружевным воротником. Её тёмные волосы были гладко причёсаны и уложены под золотую сеточку с крупными жемчужинами. А лицо... Вера чуть было не вскрикнула от радости: на мгновение ей показалось, что это Рея, — но нет... Рея излучала тепло и любовь, а эта дама была настолько надменна, с таким презрением разглядывала её и Париса, что Вера только сжала кулачок... она вспомнила об украденном зеркале Реи... да-да! .....

1. Продолжение. Начало см. «День и ночь» № 6/2022.

Перед ней была сама Гера, Лживое Зеркало. Без сомнения, это так. Но кто третья? Её кресло стояло слева от камина, как бы в сторонке... вполне себе обычное офисное кресло из чёрного пластика. На незнакомке был светлый космический комбинезон и высокие сапоги на шнуровке, а сама она была — точь-в-точь — похожа на актрису Натали Портман в «Звёздных войнах».

«Ну, это уж слишком,— подумала Вера с обидой,— впрочем, ведь Рея говорила, что бессмертные пребывают сразу во многих измерениях мира, поэтому какая им разница, в каком облике предстать перед ничтожными смертными?... Хотя... не такие мы, похоже, ничтожные, раз они к нам ума приложить не могут...»

Эта мысль взбудрила её... и неожиданно для самой себя она вдруг сделала реверанс и, ни к кому специально не обращаясь, воскликнула:

— Good evening. How are you?²

Брови «Натали Портман» сначала подпрыгнули выше лба, потом она, не удержавшись, прыснула в ладошку... наконец, все три дамы расхохотались так, что хрупкие стены хижины опасно вздрогнули. — Этот язык, — отсмеявшись, назидательно проговорила «Натали», — по крайней мере, в таком виде, ещё не существует... поэтому давай уже — по старинке, на добром минойском наречии. Согласна? — Да, — кивнула Вера. — Я — Вера, а это — Парис. — А я — Афродита. Иначе — Киприда, Анадиомена... Астарта... Венера... Лада... Иштар... У меня много имён! Выбирай любое.

Тут Парис высвободил руку из Вериного кулачка, упал на колени, закрыл лицо ладонями и стал что-то тихонько, но горячо шептать.

«Нашёл время молиться», — подумала Вера, а вслух сказала:

— Не надо, Парис. Не стоит унижаться! Мы же люди!

— Bravo! — воскликнула Афродита. — Человек — это звучит гордо! Встань, Парис. Должна признаться, мы ради тебя собрались здесь. Так что приготовься, тебе предстоит решить нелёгкую задачу.

— Вот именно, — сердито сказала Афина, — девчонка нам не нужна... Вечно путается под ногами!

Вера почувствовала уже знакомый толчок, разве что чуть слабее, чем тогда, у таверны «Доро», — и как пушинка отлетела в угол. Здесь, в углу, хижина была как хижина: ни кафеля, ни ковров, ни кресел, ни камина... над головой — затянутые мхом, кое-где подгнившие брёвна, под ногами — солома, какая-то серая труха и пробивающаяся сквозь неё худосочная бледная травка. Зато прямо перед собой Вера видела всё то же — богато убранную комнату с камином, трёх богинь и вконец растерявшегося Париса, не знающего, куда деть свои дрожащие руки.

«Да это же... как это? Голограмма! — Вера вспомнила трудное слово. — Вполне возможно, что в действительности они сейчас находятся где-нибудь... на Марсе или ещё дальше, а здесь — только изображения. Хотя... а как же Парис? Нет, всё равно непонятно...»

— Не огорчайся, Вера! — приятный женский голос прозвучал прямо у неё в голове.

Афродита там, в «голограмме», ласково улыбнулась ей и даже, кажется, подмигнула.

— Эти двое, — она с ехидной усмешкой кивнула в сторону Геры и Афины, — сейчас не могут причинить тебе никакого вреда. Может быть, и хотят, но не могут.

Тем временем у камина разворачивалось настоящее шоу, ещё удивительнее того, что Ариадна устроила во Дворце. Парис, бледный, с вытянувшимся от ужаса лицом, сидел на высоком стуле без спинки, а богини стояли перед ним: Афина с Герой — рядом, Афродита — чуть поодаль от них. — Слушай и смотри внимательно, Парис, — говорила Афина. — Сейчас ты увидишь три образа своей судьбы. Ты должен выбрать один из них. Смотри не упusti своего счастья. Не подведи нас! — Но прежде, — перебила её Афродита, — тебе не мешает узнать кое-что о себе...

Пламя в камине ярко вспыхнуло и погасло, в комнате стало темно, но в ту же минуту на месте камина появилось что-то вроде мерцающего прозрачного куба, в котором появлялись и исчезали живые картины, как в 3D-кинотеатре, только зрителям не нужны были специальные очки. Вере — сбоку — не слишком хорошо было видно, что там происходит, но она об этом догадывалась, отчасти по тому, что помнила из книжки, отчасти — по выражению лица Париса, которое менялось по мере того, как он погружался в образы собственного будущего, отчасти — её фантазия сама кое-что быстренько дорисовывала.

— Взгляни, Парис, — Гера властным жестом привлекла внимание мальчика к картине, — это — твои родители...

Парис увидел крепостную стену — в ширину, пожалуй, шагов в двадцать, не меньше. На стене, упершись обеими руками в ограждение, стоял и что-то рассматривал вдали седовласый и седобородый мужчина в кожаных доспехах, закрывавших грудь и спину. Вид у него был обеспокоенный, но решительный и властный.

— Это Приам, — пояснила Гера, — царь Трои, богатейшей и могущественной страны. Твой отец, Парис! — при этих словах Парис вздрогнул, вытаращил глаза и, чтобы не свалиться со стула, ухватился за его края обеими руками. — Троя, иным словом — Илион, далеко-далеко за морем. Но это ничего не значит. Стоит тебе захотеть, и ты без особого труда окажешься там... Вот, кстати, смотри — это твоя мать, царица Гекуба...

1. Здравствуйте. Как поживаете? (англ.)

По каменной лестнице, придерживая рукой подол длинного красного платья, на стену быстро поднималась явно не очень молодая, но очень красивая стройная женщина. Лицо её показалось Парису неестественно бледным, но сердце мальчишки, привыкшего к сиротству, болезненно заныло и устремилось к этой незнакомой женщине, словно через огромное расстояние почувствовало в ней что-то родное.

Гекуба подошла к Приаму, прикоснулась к его плечу и стала что-то взволнованно говорить. Тот обернулся—и Парис мог рассмотреть его лицо, суровое лицо воина и государя.

— Да, Парис,— сказала Гера,— по рождению ты не пастух, ты—царевич, потомок славного древнего рода. И будущее ждёт тебя славное! Такое, какое сейчас ты выберешь сам. Когда ты родился, твои родители получили страшное предсказание насчёт тебя и были вынуждены с тобой расстаться, но сейчас... Именно сейчас ты можешь изменить ход судьбы! Время настало! Тебе—выбирать...

В пространстве перед камином побежали разноцветные волны, а потом в нём, быстро сменяя друг друга, стали возникать и исчезать то расплывчатые, то чёткие изображения...

Гера сопровождала их спокойным, почти бесстрастным голосом:

— Это сестра твоя, Кассандра, любимица Аполлона... она помогла тебе, Парис, когда ты, наконец, снова появился в родительском доме... а это—твой старший брат Гектор. Могучий богатырь. Увы... он погиб, к сожалению, защищая Троию от нашествия врагов с востока. Однако тем самым он освободил тебе путь к трону. Ты стал царём, Парис. Самым могущественным и успешным в истории эллинских племён. Ты покорил персов и подчинил себе острова, завоевал Фессалию, Аттику и Лаконику. Ты устремил свои взоры на север и восток—в Скифию и дальше, в Гиперборею... тебе не хватило, Парис, срока земной жизни, чтобы осуществить задуманное. Но ты передал свою мечту—детям и внукам. Вот, смотри, Парис: ты умер в глубоко преклонном возрасте, окружённый любящими людьми...

Вере—сбоку—не очень хорошо были видны картинки, мелькающие в «кино», но зато она прекрасно видела лицо Париса: по щекам мальчишки текли слёзы... Казалось, он уже сделал выбор...

Но—«кино» погасло и тут же снова вспыхнуло. Заговорила Афина:

— Это Елена, Парис... Сейчас ей всего четырнадцать лет, но о её несравненной красоте уже ходят легенды. Да что там! Тесей... да-да, тот самый, чей корабль уже стоит у пирса в Кноссе, едва обрёл отечество в Кекроповом граде, дважды пытался похитить её. Оба раза неудачно, но не в этом дело...

Вера видела—крупно—очаровательное девичье лицо, такое симпатичное и умное, что и правда

хотелось подружиться с такой милой девчонкой... не говоря уже, наверное, про парней... да! Такую только украсть! А Тесей... он, оказывается, уже прибыл в Кносс. Эх, время, время! Ей бы, Вере, сейчас во Дворец, к Ариадне! А она тут картинки смотрит...

— Тиндарей, царь Спарты,—продолжала Афина,— её приёмный отец (всем же известно, что на самом деле Елена—дочь самого Громовержца и Девы-Лебеди Леды), решил поскорее найти ей жениха, который смог бы защитить её от влюблённых безумцев. Он созвал знаменитых воинов, отпрысков самых знатных эллинских семей, чтобы Елена сама выбрала будущего супруга. Смотри, Парис, вот они—великие и знаменитые мужи Эллады...

В «кино» замелькали бородатые и безбородые лица, кони, доспехи, колесницы...

— Это Одиссей, царь Итаки... Аякс, царь Саламина... Глептолем с Родоса... А вот это... смотри, Парис, смотри внимательно... Это Менелай—из Микен, родной брат Агамемнона...

Вера вздрогнула и постаралась смотреть и слушать до предела внимательно.

— Менелая и выбрала Елена. Ничего не подделаешь—её сестра, Клитемнестра, замужем за Агамемноном. Мало ли что могла нашептать Елене старшая сестрица... Но ты, Парис, когда вернулся в Троию и вступил в законные права царевича и наследника престола... да-да, именно ты—в один прекрасный день познакомился с Менелаем во время Истмийских игр. Ты, разумеется, одержал победу в состязаниях колесниц! Ты победил, Парис! Победил! Восхищённый Менелай пригласил тебя в гости. Тогда он был уже супругом Елены и царём Спарты.

«Кино» показывало морские волны... паруса корабля... Сердце Веры болезненно сжалось. Она ведь уже слышала что-то подобное из уст Афины и, увы, знала, чем эта история кончится... Но Парис этого не знал. Он глаз не мог отвести от бегущих перед ним картин... и—надо же!—преображался на глазах. Его взлохмаченные космы, словно под волшебным гребнем, легли вокруг лица тёмно-русскими волнами. От этого простоватая физиономия мальчишки приобрела благородные черты и озарилась чарующим внутренним светом. Холщовую набедренную повязку сменил белоснежный шёлковый хитон, поверх которого был небрежно накинут пурпурный, вышитый золотом плащ.

«Да он красавчик!»—Вера покрутила головой, чтобы сбросить наваждение, но нет... Парис и вправду невероятно похорошел.

— Ты прибыл в Спарту, Парис,—Афина чуть понизила голос,—и увидел Елену. А Елена увидела тебя. И свершилось то, что предопределено.

Афина замолчала, и Вера вдруг услышала собственное сердце... Тук-тук... тук-тук...

— Что? — вдруг закричал Парис. — Что дальше?
— Дальше? — усмехнулась Афина. — Смотри дальше, малыш...

В «кино» разворачивались одна за другой батальные сцены... войска строились к битве... потом началась самая настоящая свалка... щиты ударились друг о друга... в воздухе мелькали копья, стрелы, чьи-то руки... ноги... шлемы... конские головы и копыта... потом из колеблющегося пространства перед камином начала хлестать кровь...

Вера зажмурилась от ужаса, а когда открыла глаза — в «кино» над всем этим безобразием царил Парис, прекрасный, как бог, горделивый, великолепный и снисходительный к поверженному врагу. — Да, Парис... — продолжала Афина, — тебя ждёт слава, великая, ни с чем не сравнимая вечная слава! О тебе сложены легенды и всевозможные истории, и люди продолжают их слагать спустя тысячи лет после твоего ухода из земной жизни. Великие поэты сочинили о тебе песни. Великие художники написали картины о твоих подвигах. И погиб ты в бою от стрелы врага, пройдя с честью долгий и славный путь. Вот какова твоя судьба, Парис. Если, конечно, ты сделаешь правильный выбор.

«Кино» остановилось на последнем «кадре». Афина замолчала.

Вера бросилась к Парису, который, кажется, снова был в полубоморочном состоянии, но всё та же непреодолимая сила отбросила девочку назад, в угол хижины...

Тем временем заговорила Афродита:
— Всё это, Парис, прекрасно и даже очень мило, если здраво рассудить, но... на самом деле жить тебе осталось... всего несколько часов...

Богиня щёлкнула пальцами, и в магическом «кино» Вера... конечно, сбоку, нечётко, но увидела — себя! Робко озираясь по сторонам, она шла по тропинке... в утренних сумерках, сдобренных чуть заметным туманом, прямо перед ней, вдалеке, видны были башни Дворца, и она спешила... очень спешила во Дворец... но в кустах, прямо по пути, притаился чёрный человек с тугим, изогнутым, словно губы капризной красавицы, луком... вот он натягивает тетиву... вот спускает её... вот стрела летит... летит, чтобы убить Веру...

— Вера!!! — вскричал Парис, опрокинув стул и с размаху стукнувшись лбом о камин, перед которым светилось изображение. — Вера! Вера! Ты где? Берегись, Вера!

Тут в лицо Вере снова ударил обжигающий вихрь. Последнее, что она в тот момент увидела, был Парис, окружённый клубами серебристого пара, и Афродита, обнимающая его за плечи.

— Не беспокойся, Вера, — услышала девочка ласковый, но не допускающий возражения шёпот, — для Париса это всего лишь экзамен... с другом твоим будет всё в порядке! А ты — подкрепись! ведь не ужинала сегодня...

Хлопок — и Вера в полном одиночестве в заброшенной хижине посреди тёмного леса. Даже луна не светит, как обычно. Ох-хо-хо...

«Как же я устала!»

Вера на ощупь нашла у стены какие-то тряпки, упала на них и вдруг почувствовала в руке что-то круглое и гладкое. Вот это да! Яблоко! Чудесное яблоко! Оно так вкусно пахло, что у Веры закружилась голова. Девочка с превеликим удовольствием откусила кусочек, разжевала, проглотила — и тут же провалилась в сон.

Глава девятая,

в которой Вера обнаруживает пропажу волшебных карандашей, беседует с Гермесом о правах человека и попадает в Лабиринт

«Чипа-липа, чипа-липа, чипа-липа», — завопил телефон над самым ухом.

Вера подскочила, протёрла глаза, огляделась. Приснилось, конечно!

День, судя по всему, был в самом разгаре. Сквозь дыры и щели хижины яркими пятнами падали солнечные лучи, пахло сеном, и, казалось, всё пространство между небом и землёй заполнено звуками летнего полдня. Вера сидела на пыльном, набитом травой мешке и понемногу приходила в себя.

«Как же долго я спала! — она поправила сбившееся платье. — Зато выспалась наконец!»

Так... руки-ноги, конечно, грязные... платье — подарок Ариадны! — измято и снова испачкано... эх! Придётся стирать, не ходить же грязнулей! волосы...

«Умыться, причесаться, привести себя в порядок!» — Вера машинально потянулась к сумке, которая вчера так удобно висела у неё на плече. Но сумки рядом не было. Где же она?

Вера обыскала всю хижину, перетрясла мешки, валявшиеся по углам, но ничего не нашла, кроме надкушенного яблока, которым вчера так славно поужинала. Яблоко лежало на полу у самого входа. Вера подняла его и вдруг вспомнила совершенно отчётливо, что сняла сумку в комнате Ариадны — вместе со старым платьем, перед тем как окунуться в бассейн. Там, на скамейке, она и сейчас лежит, наверное... Только Вере от этого, увы, ни жарко ни холодно. Осталась Вера не только без расчёски и зубной щётки, но и без волшебных карандашей...

От этой мысли Вера вконец упала духом, в отчаяние свалилась на сено и заревела в голос. Как маленькая. Сколько времени она так рыдала, подсчитать не берётся, но слёзы всё-таки у неё иссякли, она обтёрла запылившийся дар Афродиты более или менее чистым краем платья и с большим аппетитом скушала всё яблоко, оставив только тоненький огрызок с острыми чёрными семечками. Яблоко действительно было

очень вкусное, и, утолив голод, Вера старательно собрала в кучку разбегающиеся мысли и решила, что самое время позвать Гермеса, потому что сама она, как это ни обидно, с проблемой вряд ли справится...

— Гермес Трисмегист, немедля явись! — трижды воззвала Вера к своему невидимому спутнику.

Но ответа не последовало.

— Что ж... не очень-то и хотелось!

Вера встала, стряхнула с платья сухие травинки и комочки налипшей грязи и вышла из хижины. Прямо перед ней над поляной высились кудрявые кроны лиственного леса, а там... дальше, почти на уровне плывущих в небе облаков, на горе смутно виднелись мерцающие в лучах солнца двурогие башни Дворца... Ну вот... по крайней мере, ясно, куда идти.

Солнце было почти в зените, но Вере не было жарко... откуда-то со стороны леса явственно тянуло влагой... может, там ручей или речка? Надо посмотреть!

Это был небольшой, но, судя по всему, довольно глубокий пруд, очень похожий на озеро Лириопы. Со всех сторон его окружали раскидистые кусты и заросли камыша, так что Вере пришлось постараться, чтобы добраться до воды. Раздвигая ветки и стебли, она спустилась, наконец, к открытой поверхности пруда и с удовольствием вымыла сначала руки и лицо, а потом... подумав немного... зачерпнула ладошками воду и сделала несколько больших глотков: вода была абсолютно прозрачная и очень холодная — видимо, пруд питали бьющие на дне родники.

Некоторое время Вера рассматривала своё отражение в почти неподвижной воде. Ей кажется, или она немного изменилась за эти три дня? Серьёзное стало, что ли? Или просто утомилась с непривычки?

— Взрослеешь...

Рядом с её отражением в воде неожиданно проступило другое. Гермес! Да ещё в своём привычном книжном облике — в крылатом шлеме и с кадуцеем³ в правой руке...

Вера мгновенно обернулась, но у неё за спиной никого не было.

«Вот так вот, — мрачно подумала Вера, — развлекаются божества».

Отражение Гермеса в воде кольхнулось, сморщилось, и девочка услышала:

— Зачем же? Развлечения божеств — самая серьёзная вещь на свете! Это во-первых... А во-вторых, стоит ли сидеться, Вера? Ведь всё идёт по плану. — По какому такому плану? — окончательно возмутилась Вера. — Чей это план? Почему я до сих пор ничего о нём не знаю? Разве это справедливо, что тобой кто-то пользуется втёмную? Может быть, я не хочу и не собираюсь играть в эту игру! Я вам не пешка!

— Ух ты! — снова зашевелилось отражение Гермеса. — Действительно взрослеешь... что ж, присядь, поговорим.

— О чём говорить с тобой? Ты же ничего не объясняешь! «Молодец — не молодец! Сделай то, не делай это!» А почему? Какой смысл? Что дальше будет? И вообще... какое право вы все имеете... вмешиваться в мою жизнь и без моего желания и разрешения что-то делать со мной?

— Право? — отражение Гермеса заколебалось в беззвучном смехе. — У тебя есть только одно право — беспрекословно слушаться и делать что велят.

— Ну так если боги бесконечно сильнее и меня, и Париса, и Калхаса, и Агамемнона, зачем мы нужны в их игре? Оставьте нас в покое — и играйте в собственные игрушки. А мы вам — не игрушки. Да, маленькие. Да, слабые. Но не игрушки!

— Ох, упрямая ты, Вера! Знаешь, как предки твои древние называли таких, как ты? Гордецы жестоковейные!

— Жестоко... что?

— Место, которым голова прикрепляется к телу... шея... у древних славян называлось — выя... Выя у тебя слишком жёсткая! Ни кивнуть, ни поклониться. Не много ли берёшь на себя, человечек?

— Много или немного, но боги уже едва не передрались из-за меня. Значит, по большому счёту, пока эта история не закончилась, никто из вас ничего плохого мне сделать не может — я вам нужна! А раз так — могу потребовать внимания к моим скромным нуждам.

Гермес в воде снова расхохотался — да так, что по тихому пруду побежали кругами высокие волны. А когда они успокоились, из пруда — оттуда, где продолжало дрожать отражение Гермеса, — приглашающим жестом высунулась длинная белая рука с отполированными зелёными ногтями.

— Давай руку, — услышала Вера, — пора проявить внимание к твоим скромным нуждам.

Чуть поколебавшись, Вера потянулась навстречу — и тут же почувствовала, что её крепко схватили за руку... она едва успела зажмуриться, вдохнуть поглубже... раз, два... Вода разомкнулась перед ней... потом сомкнулась... и — хоп... Зеленоватая волна швырнула Веру на каменные плиты — и бесследно схлынула. Вместе с отражением Трисмегиста, который снова исчез, оставив подопечную на произвол судьбы.

Вера — на мгновение задержав дыхание — с облегчением выдохнула... Да уж, прыжок! Даже платье не намокло... Похоже, нечеловеческая сила забросила её на внутреннюю галерею Дворца. Точно! В стене, прямо перед ней, — та самая дверь с барсами, в которую вчера она вошла вместе с Ариадной. Вера потянула кольцо, вставленное.....

3. Кадуцей — «волшебная» палочка с маленькими крыльями, которую обвивают две змеи.

в пасть барса, дверь легко подалась, и Вера беспрепятственно проскользнула внутрь.

В комнате никого не было. Вода в бассейне — прозрачная и неподвижная, — казалось, не отражала ничего, даже занавешенного тёмно-синей тканью потолка; стена, из которой вчера по жёлобу стекала вода, теперь тоже была неподвижная и сухая. А накрытая шкурой скамейка перед бассейном, где Вера оставила сумку, увы, была пуста.

Вера подошла к зеркалу, в котором они с Ариадной столь восхитительно отражались вчера, и увидела себя в таком неприглядном виде, что чуть снова не разрыдалась...

Нет, нет... надо собраться! Нельзя раскисать!

Она села на скамейку и постаралась как можно более подробно восстановить в памяти всё, что произошло с ней в этой комнате прошлым вечером. Вот Ариадна подводит её к скамье... вот она, Вера, снимает с плеча сумку, кладёт её на скамью рядом с собой, вот снимает платё...

Так ведь Ариадна, наверное, забрала сумку... чтобы не потерялась... значит, надо срочно искать Ариадну...

Конечно! Вера решительно стукнула кулачком по скамье, попыталась встать, но не тут-то было. Скамья вдруг резко перевернулась, и, не успев даже «мама» крикнуть, Вера рухнула в пустоту.

Она летела во тьме и пустоте так долго, что, подобно Алисе, угловившей в кроличью нору, могла бы, наверное, прочесть стихотворение наизусть, но — трах-бах... хлоп! плюх!!! — приземлилась на что-то мягкое.

Несколько секунд Вера пыталась прийти в себя. Наконец ей удалось взять себя в руки. И что? Ничего. Абсолютная тишина и темнота. Дышать, правда, можно. Огромный плюс! Девочка осторожно пошарила руками по поверхности, куда её сбросила неумолимая сила притяжения... похоже, это барьян шкура... и не одна. Видно, способ, благодаря которому она сюда попала, использовался и прежде. Неоднократно. Что ж! Это обнадеживает.

Пытаясь унять головокружение от неожиданного полёта, Вера поднялась на ноги, — и тут же всё пространство вокруг озарилось зеленоватым светом от крошечных изумрудных огоньков, вспыхнувших по стенам и потолку коридора, уходящего вправо и влево — насколько хватало глаз... Рядом — чуть выше Вериной макушки — прямо из стены торчал костяной крючок. На нём висел самый настоящий тулупчик. Только Вера его увидела, как ей стало понятно, что вообще-то в подземелье... не жарко. И её тут же охватил озноб. Вера бестрепково сдёрнула тулупчик с крючка. Он был ей великоват, конечно. Но совсем чуть-чуть. Девочка запахла на себе тёплую, хотя и очень лёгкую, идеально выделанную овчину, одёрнула и... надо же! Обнаружила прямо под ногами — войлочные чуни. Не валенки, а именно — чуни, высотой, пожалуй, ей по

щиколотку. Вера аж засмеялась от удовольствия... да! Ариадна, похоже, частенько пользуется своим «лифтом». А может быть, она как раз для неё, для Веры, всё это приготовила? Значит, знала заранее, что Вера окажется в её комнате, на её скамейке... Эх! Ну, раз так, значит, надо просто понять, что делать дальше.

Вера затолкала ноги вместе с сандалиями в широкие чуни, ей стало совсем тепло, и мысли у неё в голове спокойно потекли в определённом направлении.

Неровное отверстие, из которого она прилетела, смутно темнело вверху, и ничего такого, что — хотя бы отдалённо — напоминало какое-нибудь подвёмное устройство, поблизости не наблюдалось. Значит — что? Значит, тем же путём вернуться обратно, скорее всего, не получится. Путь, так сказать, в один конец. Надо идти по коридору. Интересно, в какую сторону?

Вера снова села на шкуры, приняв «позу лотоса» (интересно, откуда она узнала, что существует такая «поза»?). Вера сосредоточилась на собственных ощущениях, и через некоторое время ей показалось, что она чувствует лёгкий ветерок, почти неуловимый сквознячок... и тут же — слабое, едва заметное пение... высокие женские голоса... и будто бы — далёкую-далёкую барабанную дробь...

Да-да! Точно! Там, далеко-далеко, слаженный, невообразимо прекрасный хор выводил какую-то до боли знакомую и в то же время странную мелодию — и оттуда же тянуло теплом...

Вера решительно поднялась и — шаркая чунями по ледяному полу — пошла по коридору навстречу чудесным звукам и тёплому заботливому ветру.

Глава десятая,

в которой Вера знакомится с «Минотавром»

Коридор постепенно расширялся. Становилось теплее — настолько, что Вера сняла, наконец, тулупчик и чуни и аккуратно сложила их у стены. Кому-нибудь пригодится. Может, даже ей. На обратном пути. Если, конечно, будет обратный путь.

Зелёные огоньки, освещавшие коридор, мигали-мигали, а потом потускнели и исчезли. Теперь свет и тепло исходили от уже знакомых Вере каменных ламп, равномерно расставленных на выступах в стенах коридора высоко над её головой. Сами же стены покрыты были фресками, изображавшими растения, животных и людей. Картины были до того натуральны, что Вера нет-нет да останавливалась, чтобы получше их разглядеть. Она так любила рисовать, а тут перед ней разворачивалась работа гения, и девочка не могла сдержать восхищения!

«Ух ты! Красота!» — то и дело мелькало у неё в голове, когда перед ней возникала на стене процессия

краснокожих юношей — стройных, в расшитых красными и золотыми нитями набедренных повязках, с длинными чёрными косами, разбросанными по плечам. Юноши несли на вытянутых руках разноцветные сосуды — чаши, амфоры, кувшины...

А вот, наверное, сцена какого-то спортивного состязания. Юноша с подчёркнуто белой кожей держит за рога вытянувшегося во всю длину прекрасного золотого с белыми пятнами быка. Второй такой же — с другой стороны, протягивает обе руки к третьему — темнокожему, который, грациозно изогнувшись, то ли прыгает через быка, то ли выполняет на его спине сложные гимнастические упражнения. Изображение было выполнено с таким совершенным мастерством, с таким тонким художественным вкусом, что, если бы Вера не знала, что эти картины созданы за тысячи лет до рождения Леонардо да Винчи и Рафаэля, она могла бы подумать, что они находятся в Музее современного искусства, — в Москве или Петербурге.

А тут... Вера ахнула и остановилась: перед ней на стене совершался какой-то мистический обряд. В центре композиции — высокая стройная женщина в платье, напомнившем Вере наряды Койны и Талло: туго перетянутая поясом, хотя и без того тонкая, галия, светлая юбка-колокол с широкими жёлтыми полосами, лиф с короткими рукавами, оставляющий полностью открытой грудь, и невероятной сложности причёска из множества выходящих прядей, кос и косичек, рассыпанных по плечам и поднятых кверху при помощи целой системы гребней и заколок. Всем корпусом женщина была повернута к зрителю, но лицо её дано было в профиль — белое, с тонким узким носом, составлявшим прямую с линией лба, с чуть заметной улыбкой и миндалевидным глазом, каким-то непостижимым образом — сбоку! — направленным прямо в лицо наблюдателю. Руки женщины с раскрытыми ладонями были согнуты в локтях и подняты к далекому невидимому небу. Женщину окружали чернокожие длинноволосые юноши в набедренных повязках — в тон её платья — и протягивали к ней свои раскрытые ладони. Всё это выглядело так, как будто юноши ладошками передавали женщине энергию, жизненную силу, а она — отправляет её куда-то дальше, в небо...

Вере вдруг пришло в голову, что стиль этих картин немного напоминает изображения из египетских пирамид... Это... когда ж это было-то? Ну да... где-то шестнадцатый-пятнадцатый век до нашей эры, кажется... Но здесь всё пахло ещё более древней древностью, и в то же время... Веру снова кольнуло ощущение идеального совершенства, которым было проникнуто каждое движение изображённых на стенах фигур, каждый символ, каждый цветовой оттенок. Казалось, достаточно изменить угол зрения, и все эти люди дружно пойдут в разные стороны, прекрасные лани начнут

бить по земле копытцами и скакать, обезьяны — срывать и поедать красные и лиловые фрукты, свисающие с нарисованных ветвей, девушки — танцевать, дети — собирать цветы и травы... Здесь были олени, рыбы, дельфины, птицы, лилии на высоких стеблях, осьминоги, раковины, скорпионы — и, конечно, быки и коровы: на пастбищах, во время игр с прекрасными полунами юношами и девушками разных земных рас — белыми, чернокожими, краснокожими и с золотистой кожей, с характерным разрезом глаз. Все они, вместе и порознь, играли, охотились, веселились и участвовали в каких-то сложных, непонятных Вере обрядах. Более того, от картин исходила музыка, чудесная, нежная и поднимающая настроение музыка... Та самая, которую Вера слышала ещё там, в начале пути. Она становилась всё громче, и Вера шагала всё уверенней и живее.

Но вот коридор перед ней раздался в стороны, и девочка вошла в широкий полукруглый зал, разделённый на несколько секторов. В каждом из них — в стене или в полу — имелась винтовая лестница, ведущая вниз или вверх. А прямо перед собой Вера увидела огромные, во всю стену, каменные ворота, на которых высечены были гигантские существа, скрестившие протянутые друг к другу топорики-лабрисы на длинных рукоятках. У одного гиганта было человеческое тело и... голова быка! А у другого — то же самое, только голова была — собаки! Или волка... или шакала...

Некоторое время Вера потрясённо разглядывала всё это. Потом — решила, подошла ближе, протянула руку к воротам... створки ворот медленно раздвинулись, девочка решительно шагнула вперёд и оказалась в просторном помещении, щедро освещённом всё теми же каменными лампами и по стенам до самого потолка заставленным полками и шкафами, прозрачными ящиками вроде аквариумов, в которых шевелилось и шуршало что-то живое, коробками и совсем уже непонятными предметами разных форм и размеров. — Наконец-то, Вера, наконец-то!

Царевна Ариадна подбежала к Вере — словно давно её ждала, — обняла, крепко прижав к себе. — Не буду мучить тебя расспросами, — сказала Ариадна, — кое-что нам уже известно... пойдём, я познакомлю тебя с нашими сотрудниками.

— А моя сумка? Не могу её найти. Она мне очень нужна!

— Не волнуйся. Не потерялась твоя сумка. Что ж... вот мы и на месте!

Ну и ну... Вере показалось, что они вошли в зверинец... Первым делом ей в ноги, забавно твякая и повизгивая, бросились две лохматые зверушки — собачки? лисички? енотики?

— Аргус, Скилла, оставьте гостью в покое, — засмеялась Ариадна, ласково их отгоняя. — Входи, Вера, не бойся!

Под высоким сводчатым потолком всюду расставлены были стеллажи, аквариумы и клетки. Другие клетки свисали откуда-то сверху. В них щебетали, пищали, постукивали и потрескивали всевозможные пернатые и чешуйчатые. Справа от арки, под которой они прошли, она увидела очаровательный кукольный дом. Он был сделан с такой невероятной тщательностью, с такой филигранной подробностью, что Вера почти не удивилась, когда на веранду домика выбежали живые человечки—с мизинчик ростом—и при-ветственно замахали руками.

— Это дактили,— пояснила Ариадна,— незаметны, когда нужна самая тонкая и тщательная работа: рассмотреть то, что мы не видим, или собрать мельчайшие детали.

— Привет, ребята! — засмеялась Вера.

Ей стало до того интересно и весело, что она и думать забыла о собственных проблемах.

— А вот и Мастер! — Ариадна поклонилась вышедшему откуда-то из полукруглой тени низкорослому старичку, чьи белые кудри частью были собраны в пучок на макушке, частью—свободно лежали по плечам.

На старичке было что-то вроде халата, покрытого перьями, так что Мастер производил впечатление большой сердитой птицы—пеликана или аиста марабу. Старичок, заметно прихрамывая, подошёл к Ариадне, обнял её и ласково подмигнул Вере. Нет, вовсе он не сердитый. Немного хитроватый, но весёлый и добрый. Вера улыбнулась старичку и вопросительно взглянула на спутницу. — Познакомься,— сказала Ариадна—это Мастер Дедал.

«Как-то иначе я его себе представляла,— подумала Вера.— Впрочем, мало ли что я себе представляла? Раньше».

— Ага! — воскликнул Дедал, бесцеремонно рассматривая Веру.— Ну-ка повернись... Да-да! Так я и думал. Ну что ж... — обратился он к Ариадне.— Начнём?

Ариадна смутилась, посмотрела на Веру и боязливо поёжилась:

— Ты уверен, Дедал, что она готова?

Дедал хмыкнул, обошёл Веру по часовой стрелке, потом—против часовой стрелки.

— Ну хорошо. Тут ведь главное—свободная воля участников. Однако... можно ли ей всё рассказать?

Ариадна ничего не ответила, только пожалала плечами.

— Что ж... — Дедал исподлобья глянул на Веру.— Пойдём-ка... садись-ка...

Он подвёл Веру к длинному и широкому столу-верстаку, на котором стояло, лежало и валялось множество странных предметов, из которых маломальски знакомыми были разве что подобию колб и пробирок да всевозможные пинцеты, лопатки и увеличительные стёкла в разнообразных оправках. Вера уселась в деревянное кресло-качалку и приготовилась смотреть и вникать.

— Эй, Миа, Дуо, несите-ка плевательницу!

Двое дактилей в зелёных курточках-безрукавках немедленно подтащили к краю стола маленький круглый полупрозрачный сосуд с фигурной крышкой в виде свернувшейся кольцом жёлтой змейки. Крышка была тут же сброшена—сосуд предоставлен Вере явно для какого-то действия. — Плюй,— тоном, не предполагающим возражений, потребовал Дедал.

— Что-о? — изумилась Вера.

— Плюнь в неё,— пояснила Ариадна,— просто плюнь и всё. Это для... надо кое-что проверить.

Вера поднесла чашечку ко рту, аккуратно плюнула в неё и смущённо поставила на стол. Дактили тут же закрыли её крышкой.

— Сделайте-ка, ребята... — тут Мастер Дедал произнёс такую длинную и замысловатую фразу, что Вера не смогла её понять ни на минойском, ни на дорийском, ни тем более на русском языке.

Миа кивнул—и чашка в мгновение ока была унесена куда-то в глубь помещения.

Некоторое время все молчали. Вера вопросительно поглядывала то на Мастера, то на Ариадну, которая стояла рядом, загадочно улыбаясь. Мастер Дедал покачивался в кресле напротив, сверля собеседницу испытующим взглядом и крутя большими пальцами в сцепленных замком руках, покоящихся на кругленьком животе, обтянутом ворсистой тканью.

— Скажи-ка, Вера, как по-твоему, что такое па-мать?

— Ну-у... — сказала Вера, — это когда помнишь что-нибудь...

Мастер вздохнул, взял со стола глиняный черепок с отчётливым отпечатком человеческого пальца и протянул его Вере:

— Что можешь об этом сказать? — он указал на отпечаток и поощрительно кивнул.

Вера взяла черепок, покрутила его в ладонках, приложила палец к отпечатку и вдруг — будто наяву — увидела, что произошло в этой комнате несколько дней назад... Конечно, так, скорей всего, и было: вот и круг гончарный в углу... и низенькие скамейки у стены... похоже, здесь частенько посуду делают... или учатся этому.

— Разбилась чашка... глиняная чашка, которую лепил ребёнок... скорее всего, маленькая девочка — видите, пальчик меньше моего... — Вера помолчала и спустя несколько секунд продолжила: — Наверное, это было так. Ученики гончара... или, может быть, просто дети... лепили из глины игрушки. Одна девочка вылепила чашку и ушла, оставив недоделанную работу на столе. Наверное, её кто-то отвлек, позвал — и она убежала, не успев затереть отпечатки своих пальцев. Но её чашку вместе с изделиями других детей отправили в печь, на обжиг. И когда девочка увидела свою работу «с пальчиками» — уже готовой, рядом с другими — гладкими и ровными, то очень обиделась и с досады чашку-недоделку разбила. Осколки пришлось убрать, но один закатился под стол. Там дактили его и нашли. — Что ж, — усмехнулся Дедал, — очень близко к действительности. Видишь, как много запомнила неразумная и неодоушвлённая глина. Целую историю! А представляешь, как много ты узнала бы о героине этой истории, если бы могла прочесть таинственные письма, которые поколения предков и собственная пока ещё коротенькая жизнь оставили на коже её маленького пальчика? Невозможно соприкоснуться с чем-либо — и не оставить след. Знак. Жизнь, в сущности, и есть непрерывный обмен знаками — создание и чтение Книги Бытия. Эта Книга вся — живёт и вся — мыслит. Ты сама — такая Книга, Вера. И я. И Ариадна. И чашка, вылепленная обиженной девочкой. И кресло, на котором ты сидишь. И Дворец, и солнце, и море... и каждое крохотное или огромное существо на суше и на море. Ты, Вера, — и великая Книга, и точечный значок в ещё более великой, грандиозной Книге, которую уже начала читать. Каждая частичка твоего тела — столь же потрясающая история борьбы, поражений и побед, как рассказ о подвигах Геракла или Персея...

Дедал как-то особенно — пристально и хитро — взглянул на Веру, словно ждал от неё реакции на свои слова.

А Вере в этот момент вспомнилось, как она — ещё до школы — рассматривала под микроскопом луковую чешуйку. Папа, который тогда преподавал

физику в колледже, подарил ей на день рождения школьный набор «Юный натуралист». В коробке, кроме всего прочего, был микроскоп, самый простой, конечно, — для таких, как Вера, любознательных малышей. Но то, что она увидела на предметном стёклышке через окуляр микроскопа, ошеломило её! Плотно прижатые друг к другу желтоватые ячейки, немного похожие на пчелиные соты, состояли ещё из каких-то частичек, а если подкрутить колёсико микроскопа и настроить увеличение, станется видно, что и эти частички не однородны, они тоже из чего-то состоят... «И ведь так... до бесконечности!» — изумлённо прошептала Вера. Папа засмеялся и сказал, что доволен своим подарком.

— Выходит, всё бесконечно дробимо и бесконечно включено во что-то большее? — вслух подумала Вера.

— Правильно, — подхватил Дедал. — А теперь подумай: может ли такое случиться, чтобы в какой-то точке бесконечно дробимых и бесконечно включённых друг в друга миров некоторые страницы Книги Бытия... даже не так... некоторые её строки случайно... *совпали?*!

— Это... — Вера задумалась. — Нет, это очень маловероятно!

— Ну да... — неожиданно стусевался Дедал. — Следовало ожидать. Тогда... продолжим наше исследование. Как ты думаешь, что такое *время*? — и, не дожидаясь ответа, проговорил, словно прислушиваясь к собственным — противоречащим друг другу — мыслям: — Время улитки и время стрелы, отвечающей на вызов тетивы, — это одно и то же время? Время — последовательность событий? Их длительность? Ты же не станешь отрицать, что время ожидания чего-то важного и время опасности, которой следует избежать, — разные времена? Тебе никогда не приходило в голову, что

все времена, в сущности, одновременны? И все континуумы—в сущности—здесь и сейчас?

— Ой,— сказала Вера,— не понимаю...

— Прости,— снова спохватился Дедал,— забываю, что передо мной всего лишь маленькая девочка...

— Мастер Дедал, говорите— всё рассказать? Девочка устала! Мы устали!— рассердилась Ариадна.— Так что отложим дальнейшее на завтра, нет?

— Да,— сказал Дедал.

— Нет!— закричала Вера.— Ещё вопрос! Кто такой Минотавр? Что вообще происходит? Зачем я? Не отстану, пока не услышу ответ!

— Минотавр?— Ариадна даже в ладошки захлопала.— Вера, всё, что ты видишь здесь, всё, что видела в Лабиринте... и я, и Дедал, и крошки-дактили, и ещё многое из того, что есть и чего ты пока не видела... это и есть «Минотавр»— тайное общество учёных и художников, которое Афина, Гера и их союзники мечтают найти и уничтожить... вот уже не одну тысячу земных лет!

— Что ж, Вера,— Дедал потёр переносицу и снова посмотрел сначала на Ариадну, потом на Веру,— похоже, надо всё-таки посвятить тебя в подлинную историю богов и героев.

— Что? Ещё в одну?— Вера сразу вспомнила, что рассказывал ей Парис о Рее, Кроне, Зевсе и Элейсоне, но благоразумно промолчала.

— Итак,— Дедал вздохнул, что-то повернул в подлокотнике кресла, и вместо потолка над их головами развернулось звёздное небо.

Глава одиннадцатая,

*в которой Дедал раскрывает
Вере самую главную тайну*

— Видишь, Вера,— Дедал очертил правой рукой треугольник над её головой,— эти шестнадцать звёзд? Созвездие Быка. Четыре звезды сверху— голова Быка. Ещё четыре— под ними— туловище. Четыре— на концах ног. Ещё две— хвост. А в центре головы— самая яркая— глаз. Тысячи человеческих лет ещё пройдут, и люди дадут ей имя Альдебаран. Для нас же она, как я и сказал,— Глаз. Примерно там, так далеко, что даже мне трудно вообразить эти немислимые пространства, вечным пламенем горит невидимая отсюда звезда— древнее белое солнце. Сварг. У Сварга четыре планеты. О трёх из них смысла нет рассказывать, а четвёртая, Тэрра, была когда-то очень похожа на теперешнюю Землю. — Так вы прилетели...— Вера даже привстала,— оттуда?!!

— Так уж и мы...— усмехнулся Дедал,— но мне нравится направление твоих мыслей. Наши далёкие предки. Наши, то есть и твои тоже, Вера. Так что можно сказать, что и ты прилетела «оттуда».

«Привет!»— подумала Вера, а вслух сказала:

— Зачем?

— Я ожидал другого вопроса: почему?

— Почему?

— Потому что Тэрра, отчасти в силу космических причин, отчасти по вине собственного населения, постепенно становилась непригодна для жизни. Дом наших предков был обречён.

Дедал помолчал, нахмурился...

— Вот я говорю— «мы»... но то, о чём пытаюсь рассказать, произошло— по земным меркам— много миллионов лет назад. Представь, сколько раз наша прекрасная планета Земля облетела вокруг своей звезды, Гелия-Солнца, прежде чем появились мы с тобой! Да-да, мы с тобой. Потому что те несчастные несколько тысяч человеческих лет, которые разделяют наши эпохи,— ничто в сравнении с бесконечностью. А мы всё те же... всё те же... и, в сущности, всё там же...

Дедал снова задумался, пристально посмотрел на Веру: слушает ли она, не заскучала ли?

Но Вера вся обратилась в слух, даже глаза прикрыла, чтобы лучше представлять то, о чём говорил Мастер.

— Тэрра умирала постепенно. Всё это тянулось столетие за столетием, год за годом. Самые дотошные и внимательные наблюдатели и самые смелые учёные давно уже били тревогу, но им почти никто не верил: слишком удобно и комфортно было существование большинства жителей Тэрры... не буду вдаваться в тонкости её общественного устройства, этак мы далеко зайдём. Но к тому моменту, когда катастрофа стала очевидной и неминуемой, у наших предков уже было— для твоего уха это прозвучит, надеюсь, вполне приемлемо— единое правительство, которому надо было принять решение: что делать?

— И что?— Вера инстинктивно вжалась в кресло. — А вот представь себе: что?

— Ну-у...— Вера стала быстро-быстро прокручивать в голове сюжеты всех фильмов-катастроф, которые она когда-либо смотрела.— Переселить всех... куда-нибудь...

— Куда?

Вера пожалала плечами:

— На орбиту, наверное. Для начала. На космические станции...

— И сколько семей из десяти миллиардов получится переселить на космические станции?

— Не знаю. Наверное, всех переселить не удастся. — Значит, выбирать, кому жить, кому гибнуть? И кто же возьмёт на себя эту обязанность в обществе, которое считает себя справедливым?

Мастер нахмурился и вздохнул.

— Впрочем, всегда находятся те, кто берётся решать за всех. Правящие круги Тэрры— политики и учёные— многие-многие годы разрабатывали два противоположных пути. Одни— назовём их «прогрессоры», или «технократы»,— считали, что планету ещё можно спасти или, по крайней мере, отдалить её конец в необозримое будущее. А там,

глядишь, и найдётся средство безопасным для жителей образом решить проблему. Тэрра подождёт. Нужно только до предела снизить нагрузку на её природные силы. То есть— что?

Дедал испытующе посмотрел на Веру.
— Ну-у...— Вера тут же подумала о Грете Тунберг⁴ и прочих экологических новостях из тех, что ежедневно лились непрерывным потоком из всех источников информации, которые были ей доступны и даже... не совсем доступны.— Не летать самолётами, не использовать автомобили... коров не разводить!

— Пожалуй,— недобро усмехнулся Дедал.— А самое главное— не размножаться! Передать управление всеми природными и общественными процессами искусственному интеллекту. Таких машин к моменту, когда беда была уже на пороге, построено было превеликое множество. Однако «технократам» противостояли «физики», или «космисты». Они считали, что, пока есть ещё время, надо искать людям Тэрры другой дом, такой, куда все её жители— заметь, все!— могли бы переселиться задолго до того, как родная планета погибнет, или до того, как люди придумают, как её спасти.— Кто же победил?— не дослушала Вера.

— Никто,— Дедал отвернулся, словно не хотел, чтобы Вера угадала, что он чувствует.— Пока «технократы» занимались своими делами— изобретали убийственные микроорганизмы, способные за год-два уничтожить половину всего населения планеты, навязывали людям такие нормы поведения, которые разрушали семейственные и вообще все жизненные связи... короче говоря, изо всех сил старались сократить население Тэрры раз в пять, а лучше в десять или даже в сто, «космисты» искали новый дом. И нашли, в конце концов.

— Это была Земля?— прошептала Вера.
— Гей,— кивнул Мастер.— Но тогда она мало была похожа на новую родину переселенцев с Тэрры. Третья планета по расстоянию от своей звезды— Гелия-Солнца, она была похожа на пылающий океан, в котором под влиянием вращения только-только начала образовываться устойчивая твердь. Но Солнце постепенно успокаивалось, и наблюдателям было ясно, что вскоре юная планета может стать Геей, матерью новой жизни. Здесь было всё, что нужно для этого. Кислород. Водород. Азот. Углерод. Впрочем, что это я? Это всё химия, детка... Главное не это. Главное— запомни: жизнь происходит только от жизни, и разум возникает только в присутствии разума.

— Но откуда взялась самая первая жизнь?

— От Творца Начал.

— Кто же создал Его?

Дедал посмотрел на неё— с откровенным сожалением.

— Он сам. Впрочем, это слишком сложная тема. Даже для меня. Вернёмся к ней, когда придёт время.

А сейчас надобно познакомить тебя с историей «Минотавра».

Дедал задумался на минуту, словно не знал, с чего начать...

— У него было прозвище— Теос. Или— Зевс. Когда судьба Тэрры была уже предрешена, именно он отдал приказ об исходе с Тэрры. Это было непросто. Но он рисковал. И первая экспедиция застала планету в состоянии, мало пригодном для жизни.— Как это?— прошептала Вера.

— Так,— Мастер Дедал вздохнул и непроизвольно пошевелил пальцами.— Земля почти совсем не подходила для той жизни, каковою были тогда наши предки. Жить на Земле они могли разве что глубоко в её недрах. В подземелье. И это мало чем отличалось от того, что у них уже было на Тэрре.— И Тэрра?

— Нет. Не сразу. У Теоса-Зевса и его сотрудников было ещё время в запасе, чтобы подготовить к новой жизни первых переселенцев. Но тут выяснилось ещё нечто такое, чего даже Зевс не мог сначала предвидеть: Тэрра и Гея находятся в разных пространственно-временных континуумах, то есть, как это, наверное, привычно тебе слышать, в параллельных мирах. Время Земли примерно так соотносится с временем Тэрры, как время бабочки-однодневки с временем человека. Первые землепроходцы,— Мастер усмехнулся,— поняли это не сразу.

Дедал встал, прошёл несколько раз до противоположной стены и обратно, видимо, соображая, как объяснить ребёнку то, что и сам он до конца не понимал...

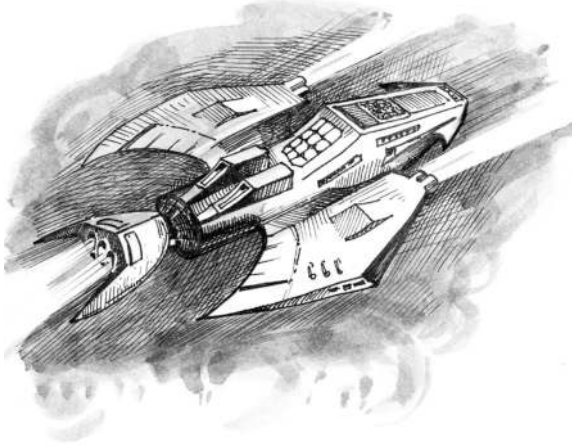
— Им нужно было или приспособить новый мир хотя бы сколько-нибудь к возможностям переселенцев, или мало-мальски приспособиться самим, разрешив попутно и эту проблему... загадку времени. Не сразу, конечно. Но начало было положено. Переселение началось. Имя корабля, прибывшего на Землю с первой сотней переселенцев,— «Таурус»— «Бык». И приземлился он на самой в то время благоприятной для них площадке.

— В Африке?— поспешила проявить эрудицию Вера.

— Ну конечно,— иронически хмыкнул Дедал,— как раз наоборот. Там, где начала свою работу на Земле команда «Тауруса», в твоё время, Вера, находится центр Сибири. А тогда в тех местах был Северный полюс планеты, и там существовала единственная область Земли, где прибывшие с Тэрры иногда и недолго могли находиться на поверхности. Позднее они там и основали свою Страну Вечной Молодости и Вечного блаженства. А ещё позднее эллины назвали её Гипербореей.

.....

4. Грета Тунберг— 16-летняя экологическая активистка, в 2018 году отказавшаяся ходить в школу, пока правительства всего мира не примут всеобъемлющих мер по защите природы.

Дедал снова нахмурился, задумался и произнёс, наконец, не без труда:

— Скажу ещё... надеюсь, ты поймёшь правильно, — Дедал помедлил, подбирая слова. — Пока боги боролись за собственное выживание, разногласия, которые вместе с ними прибыли с Тэрры, мало их беспокоили. Но когда жизнь здесь более или менее наладилась, вражда между богами разгорелась с новой силой. Зевс, командир «Тауруса», всеми силами старался сгладить противоречия, всех помирить, всё успокоить, но боги никогда не отличались послушанием и уступчивостью.

Мастер с досадой покачал головой.

— Гера, Афина, Посейдон мечтают об одном — избавиться от людей, оставить лишь тех, кто может быть им полезен, и заняться обустройством Земли по собственному разумению. То есть вопреки Творцу Начал, который выше всего ставит жизнь в любых её формах и оберегает её.

— Но почему?

— Потому что Он сам есть жизнь несотворённая и распространяется всюду, где живое может зацепиться, как зерно за почву, произрасти и расцвести. Впрочем, Вера, мы опять погружаемся в предмет, столь сложный, что нет у нас времени его разбирать. Поверь мне на слово.

«Ну-ну... — про себя ухмыльнулась Вера. — Вот и верь вам всем на слово, когда каждый клянётся, что не врёт, а сами вы без конца противоречите друг другу».

Мастер подошёл к креслу, на котором сидела Вера, и осторожно взял её за руку:

— Наши наблюдения, если они, конечно, верны, говорят о том, что близка великая катастрофа. Ей, конечно, никто не будет рад. Но «технократы» — в своей безумной гордыне — толкают мир к уничтожению, уверенные в том, что они сами управляют силами разрушения, а значит — им ничего не грозит. Это худшее из преступлений, Вера! Потому что это — ошибка! Ну... посмотрим! Чтобы уничтожить человечество, врагам сначала придётся расправиться с «Минотавром». Они

всё для этого сделают! Афина не оставит тебя в покое, не надейся. И Ариадну не оставит. Это очень опасная история, Вера. Очень опасная! Во всех отношениях. Да.

Вера поёжилась и высвободила руку из цепких пальцев Дедала.

— А Гермес, — спросила она, испытующе взглянув сначала на Мастера, потом на Ариадну, — на чьей стороне? Он ведь тоже бог?

— Гермес — не бог и не человек. Он — побудительная мыслеграмма, понимаешь? Передать её может кто угодно из богов. Кому угодно. Со временем ты научишься различать, кто из богов послал Гермеса, — Ариадна взяла со стола маленький хрустальный шарик, крутнула его в ладонях, и у неё на ладонке появился светящийся силуэт человека в плаще, шляпе с крылышками и с посохом в правой руке.

— Ага, всё понятно, — насупилась Вера, — ничего непонятного.

— Не сердись, Вера, — Ариадна одним неуловимым движением убрала фантом с ладони, — скоро ты во всём разберёшься...

— А не разберёшься, так привыкнешь, — подтвердил Мастер, — думаю, пора тебе подкрепиться и немного отдохнуть. Давай-ка на свежий воздух...

— Сколько же придётся подниматься? — огорчилась Вера. — Я так долго шла всё вниз и вниз...

— Разве? — Мастер жестом предложил ей встать, подвёл к плотному занавесу, закрывавшему полстены, и не торопясь отдернул его.

Ух ты!

Прямо в лицо девочке хлынул мягкий свет предзакатного солнца, её растрёпанные, со вчерашнего дня не чёсанные волосы подхватил прохладный вечерний ветер — Мастер легонько подтолкнул её, она шагнула вперёд и оказалась на какой-то из самых верхних галерей Дворца, на вершине высокой-высокой башни, откуда открывался умопомрачительный вид на город — многочисленные лестницы Дворца, ведущие ко Дворцу дороги, портюбые постройки, качающиеся на волнах у причалов корабли, мастерские с прилавками для обмена и пышные зелёные сады.

— Как? Что за шутки? Спускаться, спускаться... всё вниз, вниз — и оказаться на самом верху...

Пока Вера переводила дух от неожиданности, переходящей в восторг, где-то рядом раздался негромкий скрип открываемой двери и послышались приближающиеся шаги.

— Икар, ты хотел увидеть Веру. Вот она — знакомься! — девочка услышала за спиной голос Ариадны и поспешно обернулась.

Со стороны винтовой лестницы, обвивающей башню, к ней шёл высокий темноволосый юноша с большущим мешком-рюкзаком за плечами. Другой такой же рюкзак был у него в руках.

— Ты — Икар? — ошарашенно пробормотала Вера.

Она, конечно, помнила что-то такое из своей заветной книги (ох, где она теперь, книжечка её дорогая?), но что именно? Впрочем, что бы в ней ни было написано про Дедала и Икара, никто не сможет поручиться, что это чистая правда...

«Поэтому, Вера, будь начеку и, главное, не теряй самообладания», — сказала она себе и приветливо улыбнулась красивому обходительному мальчику. — А ты — Вера? — подтвердил Икар. — Хочу предложить тебе воздушную прогулку. Не откажешься?

Девочка растерянно повернулась к Ариадне, молча стоявшей у неё за спиной.

— Тебе понравится! — сказала Ариадна. — Полетаете над городом, а потом Икар проводит тебя в твои покои. Действительно — пора отдохнуть.

Вера ожидала, что сейчас прямо к галерее поддут что-то вроде вертолёта или дрона какого-нибудь, но вместо этого, Икар, деликатно предложив ей поднять руки, надел на неё рюкзак, плотно затянул и защёлкнул ремни у неё на груди.

— Смотри, как я делаю, — сказал он и, потянув рычажок, видневшийся на ремне, открыл на застёжке что-то вроде щитка с тремя большими кнопками — красной, жёлтой и зелёной.

— Зелёная — для взлёта, жёлтая и красная — для манёвра; а если нужно опуститься — снова нажимаем зелёную и плавно идём вниз.

С этими словами Икар надавил на зелёную кнопку, и рюкзак за его плечами, монотонно загудев, развернулся в два огромных перепончатых крыла, сразу приподнявших Икара над поверхностью галереи.

Вера не испугалась, конечно... однако ножки у неё, прямо скажем, подкосились...

— Теперь ты, — паря на уровне её макушки, предложил Икар. — Не бойся, я тебя подстрахую. Ну же... давай!

Вера нащупала рычажок, повернула его, ткнула пальцем зелёную кнопку, рюкзак загудел, что-то щёлкнуло, свистнуло, затрещало, и неведомая сила потянула девочку вверх...

— Осторожно! — закричал Икар. — Надо так лететь рядом, чтобы не задевать друг друга крыльями. Вот возьми, — он протянул Вере длинный шест, она ухватилась за его конец с одной стороны, а с другой точно так же — Икар.

— Раз, два, три... полетели!

Икар оттолкнулся от каменного ограждения и, при помощи шеста увлекая за собой Веру, завис высоко над темнеющими галереями Дворца. Жужжащие крыльях надёжно держали юных лётчиков в воздухе, даже ветер был ничоём. Теперь можно было отправиться на прогулку, и они медленно поплыли над городом, то опускаясь почти до земли, то поднимаясь к облакам. Прохожие иногда останавливались, чтобы на них поглазеть, показывали пальцами друг другу, но незаметно было, что летающие люди — такая уж для них диковинка.

«Как хорошо! — думала Вера. — Никогда не было так хорошо! Может, это и есть счастье — вот так летать над прекрасным цветущим городом, спокойно и свободно... и никуда не торопиться, и ничего не хотеть...»

Тем не менее мысль о потерянной сумке и волшебных карандашах всё-таки царапалась где-то в её голове. И, словно услышав этот шорох, Икар вдруг громко объявил, стараясь перекричать жужжание крыльев:

— Пора обратно!

Но они полетели не к башне Паратирис⁵, где остались Дедал и Ариадна, а на противоположную сторону галереи. И снова, словно услышав беззвучный Верин вопрос, Икар крикнул: — Летим к твоим покоям. Не волнуйся!

Минута — и они оказались перед узорчатыми створками дверей, почти таких же, как в комнате Ариадны. Икар помог Вере освободиться от рюкзака-самолёта, попрощался и — с шестом наперевес — удалился, жужжа крыльями, в густеющий сумрак.

«Мои покои», — подумала Вера — и тихонько вошла в комнату, аккуратно закрыв за собой дверь.

Как только она переступила порог, комната осветилась зеленоватыми огоньками, такими же, какие она видела в Лабиринте.

Первое, что бросилось ей в глаза, был невысокий топчан, покрытый пышной розовой периной, с разбросанными по ней разной величины пухлыми подушками и подушечками, а также два кресла рядом, на одном из которых скромно покоилась её драгоценная сумочка...

«Ура!» — вроде бы всё на месте: и зеркало, и расчёска, и зубная щётка, а главное — альбом, снова странным образом увеличившийся, и так же подросшие карандаши. И книга! Книга была тут как тут.

.....

5. Паратирис — башня Наблюдателей на верхней галерее Дворца.

Эх, надо бы найти то место, где рассказано об Икаре и Дедале. Но Вера вдруг ощутила такую непреодолимую усталость, что, даже не прикоснувшись к яствам, заманчиво расставленным на столике у маленького бассейна с голубоватой водой, быстро сбросила на пол платье, упала на перину, натянув до бровей тонкое льняное покрывало, и крепко-крепко заснула.

Глава двенадцатая,

в которой Парис попадает в приятное, хотя и очень опасное, общество и включается в игру богов

Вера спит и, наверное, видит какой-то сон, однако мы, читатель⁶, оставим её наедине с навевающим сладкие грёзы богом сновидений Гипносом и вспомним о Парисе, которого, окутав дымовой завесой, похитила из пастушьей хижины Афродита.

Вера спит...

А в это время...

Парис открыл глаза — и тут же в ужасе прижал руки к лицу. Ему показалось, что толпа одинаково одетых и странно знакомых мальчишек ринулась на него со всех сторон и мгновенно его окружила. — Ну, Парис... чего ты снова испугался?

Услышав доброжелательный женский голос, Парис осторожно раздвинул пальцы, прижатые к правому глазу, и попытался рассмотреть сквозь них, что происходит вокруг, и как-то оценить обстановку...

Он находился в помещении, состоящем из множества изогнутых зеркал, отражавших его, Париса, самым причудливым образом. И поскольку зеркала бесконечно отражали так же и друг друга, определить размеры помещения было невозможно. Парис словно завис в дурной бесконечности, переполненной образами самого себя. Нет-нет, лучше не смотреть и не шевелиться... Мальчик замер на месте и даже, кажется, перестал дышать. Вдруг рядом что-то щёлкнуло, негромко загудело, и зеркала стали затрягиваться белой мутью, словно вода, в которую постепенно добавляют молоко. Обозначились пол, потолок и стены. Парис стоял

в центре просторной белой комнаты, почти совсем пустой. Почти — потому что прямо перед собой Парис разглядел высокий — выше его собственного роста — узкий чёрный столб из какого-то неизвестного материала — не дерева, не бронзы и не камня. Сверху столб накрыт был небольшой прямоугольной доской с округлыми краями — снизу тоже чёрной, а сверху светлой, излучающей мягкое желтоватое сияние, из-за которого на нижней поверхности доски проступали непонятные рисунки и значки, золотые и белые.

— Хочется потрогать, правда?

Навстречу Парису прямо из стены, проявившись, как отражение на пруду, успокоившемся после брошенного камня, вышла Афродита.

Парис сразу узнал её, хотя она выглядела совсем иначе, нежели тогда, в лесу. По человеческим меркам, огромного роста — локтей, пожалуй, пяти, не меньше, богиня возвышалась над испуганным мальчишкой, как статуя на дворцовой площади. Хотя таких статуй не делали на Крите — местные мастера предпочитали создавать изображения, радующие, а не пугающие человека. Но Афродита смотрела ласково, благосклонно улыбалась, и если бы не огромный рост, больше всего напоминала бы даму из Дворца — Пасифаю или Ариадну. И одета была скромно — в длинный синий хитон, закреплённый на плечах двумя белыми застёжками в виде морских раковин.

Парис хотел отрицательно покачать головой, но после секундного размышления — кивнул и попытался подойти к столбу, вытянув перед собой руки. Что такое?! Он не смог сделать ни шагу, руки сразу упёрлись во что-то тёплое, мягко пружинящее под ладонями, ничуть не твёрдое, но тем не менее непреодолимое. Мальчик не мог двинуться ни вперёд, ни назад, ни вправо, ни влево более чем на шаг.

Афродита некоторое время, молча улыбаясь, наблюдала его безрезультатные попытки, потом сжалась и сказала своим певучим, вкрадчивым голосом:

— Ты надёжно защищён, мой мальчик. Неудобно, я знаю. Но ведь тебе никогда прежде не приходилось видеть, слышать и ощущать бессмертных в их настоящем облике. А ведь хочется, верно? И всё здесь потрогать, ко всему прикоснуться хочется. К сожалению, так устроен этот мир, что не дано нам с тобой дышать одним и тем же воздухом. Жаль! Но давай поступим так. Сейчас ты сможешь свободно двигаться и дышать в этом зале, а я и другие бессмертные, которые, возможно, вот-вот придут, защитим себя по-своему. После этого ты сможешь подойти и обнять меня, мой маленький друг. Согласен?

Парису ничего не оставалось, как снова кивнуть.

Афродита подошла к столбу, провела правой рукой над сияющей доской, и в помещении

6. Привет, читатель, надо же когда-то и нам познакомиться! Иногда автору очень полезно напрямую обратиться к читателю, особенно такому любознательному и отважному, как ты. Но, честно говоря, я здесь не одна. Рядом со мной — мой трудолюбивый и придирчивый соавтор Варвара... Варенька. Ей одиннадцать лет, и она часто даёт мне советы, задаёт вопросы, и мы подолгу обсуждаем каждый новый поворот нашей «истории про Веру». Видимо, поэтому наша история становится всё более причудливой, как будто мы погружаемся в неведомые глубины давным-давно известных сказок о богах и героях и видим их — как Алиса в Стране чудес — с другой, противоположной, стороны. Так что не сомневайся, самое интересное и невероятное у нас ещё впереди.

воцарилась непроглядная тьма. Всего на мгновение, но когда Парис снова смог рассмотреть, что происходит вокруг, в носу у него защекотало, так что он едва не чихнул. Это был какой-то совсем незнакомый воздух. Лишённый движения и запаха. Покальывающий ноздри. И даже как будто расширяющий грудь при каждом вдохе. Но дышать было легко. Парис, поёживаясь от внезапно охватившей его дрожи, поднял глаза, чтобы увидеть богиню, — и вскрикнул от ужаса: перед ним стояла высокая стройная женщина... с головой львицы! — Не бойся, малыш, — знакомый голос прозвучал чуть глуховато, но всё так же ласково, — это я. Пусть маска тебя не смущает. Красота дороже удобства, не правда ли? Зато теперь ты можешь убедиться, что бессмертные — тоже люди, живые и тёплые. Ну же... Иди, обними меня!

Парис опасливо приблизился и робко прикоснулся к краешку её хитона. Ткань была гладкая и очень тонкая. Такую, наверное, только наяды могли изготовить из лучей утреннего света.

Афродита засмеялась, опустила на корточки и, притянув к себе мальчишку, крепко обняла его. Удивительная, лёгкая и бодрящая сила пронизала всё тело Париса, наполняя его уверенностью и бесстрашием. Убогини действительно были крепкие и тёплые — даже горячие — руки. Она отстранила мальчика от себя, кончиком мизинца погладила по голове и упруго выпрямилась.

— Теперь присядь, — Афродита снова провела рукой над светящейся доской, и прямо из белой поверхности под их ногами вспучилось несколько сидений, похожих на обкатанные морем прибрежные валуны или на грибы, только что пробуравившие шляпками лесную листовую подстилку, — надо поговорить.

Белый зал наполнился голосами — звонкими девичьими, сдержанными женскими и даже слегка

старушечьими, приглушённо-ворчливыми. Париса окружили красавицы в благоухающих разноцветных одеждах, с живыми цветами в причудливо убранных волосах. Они бесцеремонно рассматривали мальчишку, обмениваясь взглядами и короткими репликами на непонятном певучем языке. — Сёстры, тише, прошу, — мягкий, но властный, не допускающий неповиновения мужской голос мгновенно пресёк их пёструю болтовню.

Парис поднял глаза и увидел, как из стены напротив — точно так же, как только что появилась Афродита, вышел невиданного роста исполин с головой хищной птицы.

Сёстры — как по команде — умолкли и расселись полукругом слева и справа от Париса. Птицеголовый встал рядом с чёрным столбом и приветственно кивнул Афродите.

— Итак, — Афродита воссела на грибообразное возвышение, как на трон, — с позволения Феба Аполлона, я начну... Что скажешь об этом юноше, Каллиопа?

— Не годится, — сказала, как отрезала, темноглазая сестра с бледным строгим лицом и со сверкающим смарагдовым венцом в иссиня-чёрных кудрях. — Он не способен к сложению песен.

— Так уж и не способен? — весело возразила та, что сидела ближе всех к Парису. — У него приятный голос, — она с ласковой снисходительностью обвела его взглядом, — чуткие руки, стройное тело... И, полагаю, хотя ума и не палата, но не дурак же он, сёстры, право...

Тут она не выдержала и рассмеялась, со всей откровенностью потешаясь то ли над смутившимся до слёз мальчишкой, то ли над самой ситуацией — должно быть, и вправду нелепой.

— Эрато! — прервал её смех Птицеголовый. — Мы не для развлечений собрались. У меня, поверь, дел невпроворот... Так что давайте, сестрицы... в рабочем темпе! Раз-два-три. Вы знаете, какова ответственность. И какова цена любой ошибки. — Светоносный, — возразила Эрато, — но я же по существу. Тесей до сих пор вздыхает по Елене. Так что у них с Парисом... найдётся общая тема для бесед. По крайней мере.

Птицеголовый что-то отвечал, Эрато возражала, и пока они так препирались, в голове Париса пчёлами роились и жужжали мысли, ни одну из которых ему не удавалось ухватить.

«Птицеголовый-то... это ж сам Феб Аполлон... А эти все... не иначе — музы? Но почему они — такие же, как я... по виду? А эти — Афродита и Аполлон — в полузверинном обличье! Зачем? И чего они от меня хотят? Ох, влип я, влип... Елена, Елена... При чём здесь Елена? А Вера? Может, она тоже муза? Но где она сейчас? Ох, боги Элейсона, где это я?!»

— Я его испытаю! — совсем юная муза, кудрявая, в коротенькой шёлковой тунике, высоко

открывавшей точёные стройные ножки, схватила Париса за руку и потянула за собой, так что он вынужден был подняться и последовать за ней на середину зала.

— Привет,— сказала она и, вытянув вперёд обе руки, положила их Парису на плечи.— Я— Терпсихора, и сейчас мы будем танцевать.

— Танцуйте,— приказал Аполлон.

Афродита коснулась какого-то невидимого значка на светящейся доске, и зал наполнился возбуждающими звуками, очень похожими на те, которые Парис слышал на танцах во Дворце. Теперь короткий урок, преподанный ему тогда Верой, очень пригодился. Сначала мальчик немного стеснялся и не поспевал за божественной партнёршей, но ведь он танцевал с Терпсихорой! Танец настолько увлёк Париса, что, пока звучала музыка и его ноги сами собой выписывали невообразимые па на гладком мраморе Белого зала, он почти забыл, где находится и что ему предстоит. Но вот музыка смолкла. Терпсихора кивком велела ему вернуться на место, а сама, чуть подумав, объявила:— Способный мальчик. Насчёт работы с Тесеем— не знаю, но в дальнейшем эта способность, полагаю, может пригодиться.

— А ты что видишь, Клио?— Аполлон повернулся к самой, наверное, старшей музе.

У неё было печальное усталое лицо и огромные влажные чёрные глаза, должно быть, видевшие любого собеседника насковзь.

— Судьба его неясна,— ответила она.— Путь этого ребёнка то и дело двоится, троится... ему всё время приходится делать выбор, но каждый раз выбор этот определяет не разум его, а любовь. У него слишком доброе, горячее, любвеобильное сердце. Поэтому ошибок ему не избежать. Парису нужен пастырь, наставник, который не даст ему сбиться с пути. Смотрю, Анадиомена⁷ уже в этом преуспела, но бывают ситуации, в которых она— плохой советчик для пылкого юноши. Нужно связать Тесея и Париса узлами кровного долга. Сделать так, чтобы Тесей оказался обязан ему жизнью. Тогда мальчик обретёт его доверие и сможет убедить, что нужно и чего не нужно делать.

— Я знаю, как это будет!— воскликнула белокурая муза в серебристом хитоне до пят и с ниткой мягко светящихся чёрных камней в причудливо убранных волосах.— У него есть способность, которая затмевает все остальные.

— Какая способность, Урания?— несколько даже ревниво поторопила её Афродита.

— Он умеет читать звёзды! Правда, пока сам он не знает об этом, но дайте мне его в обучение, и через семь дней и семь ночей он станет искуснейшим звездочётom мира.

— Есть ли у нас это время, Феб Аполлон?— недоверчиво произнесла Афродита.

Аполлон помолчал. А потом решительно ответил, обращаясь сразу ко всем присутствующим:— Пусть будет так! Я отвлеку Афины, пока длится обучение Париса. А теперь мне пора.

Аполлон приблизился к мальчику, низко-низко, насколько позволял его огромный рост, склонился над ним и тихо спросил:

— Нет ли у тебя каких-нибудь пожеланий, мой друг? Я постараюсь исполнить их, если это будет в моих силах.

«Вот так боги...— мелькнуло в голове Париса.— Если это будет в его силах...» Но вслух сказал с предельной почтительностью в голосе:

— Я хотел бы знать, что случилось с Верой. Где она? Жива ли?

— Вера у друзей,— успокоил Аполлон,— в безопасности. По крайней мере, пока.

— А ещё...— голос Париса дрогнул,— я хотел бы... хотел бы увидеть твоё настоящее лицо, светлый Феб Аполлон.

Аполлон повёл плечами как бы в недоумении и вдруг расхохотался громоподобным, но всё же почти совершенно человеческим смехом.

— Это можно устроить. Однако вам с музами придётся посидеть... э-э-э... в пузыре.

Аполлон двумя пальцами взерошил волосы на макушке Париса, подошёл к чёрному столбу, сделал какое-то сложное движение над светящейся доской... голова сокола с коротким щелчком откинулась назад, свернулась в комок и исчезла за спиной бога. Перед Парисом стоял мужчина в самом расцвете сияющей зрелости, его лицо с правильными, словно выточенными из мрамора чертами обладало таким обаянием, излучало такую гордость и в то же время ласку, что у Париса дыхание перехватило, хотя он и заметил, что воздух, которым он дышал, снова переменялся. Парис рванулся было... хотя бы колено обнять... хотя бы к краю плаща прикоснуться... но всё та же неведомая мягкая сила, которая не пустила его сначала к Афродите, отбросила мальчика прочь.— Нет-нет, дружок,— усмехнулся Аполлон,— увы, мы ещё не придумали, как устранить это досадное неудобство. Придумаем, не сомневайся. Побудешь здесь, на Тире. Урания обучит тебя, а там... тебе предстоят великие дела! Прощай, Парис. Уверен, ещё увидимся.

С этими словами Аполлон слегка наклонил голову в знак прощания со всеми, поклодовал над светящейся доской, водрузил на плечи шлем и удалился, растворившись в стене. За ним— шелепящая стайкой— последовали музы. Терпсихора на прощание даже прикоснулась губами к его щеке, отчего Парис вздрогнул и покраснел.

— Мне тоже пора,— вздохнула Афродита,— но помни, мальчик мой, я всегда рядом. Здесь тебе

.....
7. Анадиомена— «из моря вышедшая», одно из прозвищ Афродиты.

ничто не угрожает, так что моё присутствие не понадобится, но для будущего — знай: как только возникнет острая необходимость, я сделаю всё возможное, чтобы зло тебя не коснулось.

Богиня исчезла — так же, как Аполлон, растворившись в стене.

— Ну что ж, Парис, — Урания взяла его за руку, — теперь ты в деле. Можно сказать, один из нас. Не могу утверждать, что тебе повезло. Легко не будет. Но будет интересно. Это мы тебе точно обеспечим, — она помедлила, размышляя. — Ах да... я же должна спросить тебя кое о чём. О чём же? А! Вот! Согласен ли ты участвовать в войне богов на стороне Аполлона и Афродиты?

Глава тринадцатая,

в которой Вера и Ариадна разгадывают дипломатические головоломки

Прошло три дня. С помощью новых друзей Вера более или менее освоилась во Дворце. Её комнаты — или, как здесь говорят, покои — находились в пятом верхнем ярусе, недалеко от покоев Ариадны. Внизу, под землёй, было ещё несколько ярусов — кажется, шесть или восемь. Там, насколько поняла Вера, находились мастерские и лаборатории Дедала, то есть «Минотавр». Как был устроен этот Лабиринт, Вере так и не удалось разобраться. Чего стоило хотя бы её путешествие в нижние ярусы, в результате которого она оказалась на башне Паратигирис, в самой высокой точке Дворца.

Зато с помощью Икара ей удалось увидеть Дворец, так сказать, «в плане», поднявшись настолько высоко, что огромное сооружение можно было рассмотреть целиком — вместе с окрестностями. С высоты птичьего полёта Дворец виделся подобием пятиконечной звезды. В его северной части располагались, как бы сейчас сказали, резиденция царской семьи, что-то вроде центра управления жизнью острова, несколько храмов и залов для приёма гостей. Восточное и западное крыло занимали многочисленные мастерские и обменные лавки, площадки для собраний и развлечений, ещё несколько храмов и жилых помещений, а с запада к Дворцу вела широкая дорога, соединявшая Дворец с портом, в гавани постоянно находилось до двух десятков кораблей, прибывших с Пелопоннеса, с островов, из Финикии и Египта. На юго-западе — огромное училище, Схоликон, где подрастающее поколение набиралось ума-разума под чутким руководством жрецов и старейшин. На юго-востоке — коммуны земледельцев, скотоводов и охотников, которые, помимо снабжения Дворца необходимыми продуктами, обеспечивали его связь с поселениями по всему острову.

Проснувшись в своих покоях утром следующего дня после блуждания по Лабиринту и знакомства с «Минотавром», Вера долго лежала, натянув

до самых глаз покрывало и не решаясь высунуть нос наружу. Кто знает, что за новости набросятся на неё, едва она позволит себе как следует пробудиться?.. В комнате было тихо, только издали доносились звуки уже восточного бодрящего Дворца. А совсем рядом что-то еле слышно шуршало и постукивало. Вера, собравшись, наконец, с духом, сбросила покрывало, с топчана соскользнула на пол и для начала придиричво оглядела место, где ей на этот раз пришлось ночевать.

Помещение, как, видимо, все жилые комнаты во Дворце, не имело окон, однако в нём каким-то образом не было ни темно, ни душно. Позднее Вера узнала, что всё гигантское сооружение Дворца было пронизано световыми и вентиляционными колодцами, действие которых регулировалось по мере надобности в течение суток и в соответствии со временем года. Днём комнаты освещались солнечным светом, вечером и ночью в случае необходимости можно было пользоваться каменными лампами, к которым, скорее всего, был подведён горючий газ. Следовательно, во Дворце имелся также и газопровод. И водопровод, в чём Вера уже имела возможность убедиться.

Покои, предоставленные гостеприимными миноццами, состояли из трёх комнат. В комнате, где Вера ночевала, имелась дверь, открыв которую, попадаешь на галерею, с внешней стороны ограждённую высокими резными перилами — каменными столбцами с наверхними в виде бычьих рогов и с деревянными плашками между ними. Прямо перед широким топчаном, на котором Вера спала, стоял низенький столик — вчера, Вера отчётливо помнила, на нём была расставлена посуда с едой и питьём. Теперь на столе ничего не было. Значит, пока Вера почивала себе без тени тревоги и сомнения, кто-то прибирался в комнате.

Небольшой прямоугольный бассейн, почти такой же, как в покоях Ариадны, постоянно наполнялся водой, широкими струями медленно стекавшей в него из нескольких отверстий в стене, а на дне бассейна имелась едва заметная щель, через которую вода — так же постоянно — убегала, видимо, с той же скоростью, с которой вливалась. Поэтому проточная вода в бассейне держалась всё время на одном и том же уровне.

В соседней комнате, куда Вера прошла, раздвинув тяжёлые тёмно-красные портьеры, на полукруглом возвышении была разложена и расставлена уже привычная местная еда. На ковре, закрывавшем весь пол, тут и там валялись пухлые подушки.

Вера постаралась поудобнее расположиться на ковре и принялась за еду. Вкусно! Вера отправила очередной кусочек в рот, отодвинула пустую миску и только потянулась за полотенцем, как вдруг из-за её спины молниеносно высунулась чья-то смуглая рука с голубоватыми ногтями, схватила миску

и исчезла... Вера, вскрикнув от неожиданности, обернулась, но увидела лишь кончик золотистого ремешка, скользнувшего за расписную ширму, которой был отгорожен дальний угол комнаты. — Эй! Кто там? — Вера бесстрашно бросилась к ширме, заглянула за неё и... снова чуть не упала от изумления.

За ширмой на полу, в большом круглом сосуде, вроде тазика с ручками, сложена была посуда, видимо, убранная утром со стола, только что утащенная у неё из-под носа миска — сверху, а рядом... не то лежала, не то сидела... В общем, это была тощенькая, как прутик, рыжеволосая девица — с огромными, обведёнными чёрным, зелёными глазами, остреньким носиком и маленьким пухлым ротиком. Она была бы совсем как обычная девчонка, если бы не тот неоспоримый факт, что ниже талии у неё вместо человеческого тела извивалось кольцами нечто мускулисто-чешуйчатое... зелено-золотистое... да что там! До пояса милашка была человек, а ниже — змея змеёй!

Несколько секунд обе молча смотрели друг на друга.

— Не надо так смотреть! — наконец проговорила незнакомка. — Я изо всех сил старалась раньше времени не попадаться тебе на глаза. Пока ты не освоилась во Дворце. Понимаю, что тебя здесь многое удивляет. Ну да ничего. Привыкнешь. Ариадна велела мне присмотреть за тобой, помочь, если что. Я живу здесь рядом. Мне удобно.

— А... как звать тебя? — Вера перевела дыхание и проглотила слюну.

Милашка усмехнулась:

— Зои. Меня зовут Зои. Из рода Драгайнов. Моя семья живёт во Дворце с момента его основания. — Так вас... таких...

— Не так уж и много. Мы очень древние, Вера. Служим царскому роду по бессрочному договору. Поддерживаем в порядке все колодцы, шахты и трубы Дворца. Однако... полно болтать! Тебя ждут. Собирайся живей. А я пока уберу трапезную.

С этими словами Зои ткнула пальцем в сторону узкой деревянной дверцы, в которую Вере, по всей вероятности, нужно было войти, чтобы «собраться», а сама, свившись в тугое кольцо, тут же выпрямилась, как пружина, и моментально исчезла из виду.

Вера толкнула дверцу, показавшуюся почему-то совсем невесомой, переступила почти незаметный порожек, и... сердце у неё сначала остановилось на мгновение, а потом заколотилось так, что в ушах зазвенело: она вошла в собственную комнату, оставленную так далеко и давно, что даже подумать страшно! Вот стол с новеньким ноутбуком, вот самое удобное в мире кресло на трёх колёсиках, вот даже распахнутая балконная дверь, за которой — раздуваемые ветром — колышутся ветки тополей, облепленные молоденькими клейкими

листочками... и воробышек на спинке стула, как ни в чём не бывало... чик-чирик-чирик... не обращает на Веру ни малейшего внимания. Вера шагнула вперёд, и всё поплыло у неё перед глазами — очертания предметов стали двоиться, комната быстро заполнилась то ли дымом, то ли сизым туманом. Вера закашлялась, чихнула, зажмурилась. А когда открыла глаза, то увидела себя в большом бронзовом зеркале, которое неожиданно оказалось перед ней.

— Привет! — сказала она самой себе. — Похоже, кто-то из бессмертных вмешивается не в своё дело.

И вздохнула: ничего не поделаешь, надо искать решение задачи и, что бы ни случилось, быть начеку.

В комнате, которую Вера про себя назвала «раздевалкой», действительно имелся стол — на нём были аккуратно разложены волшебные карандаши и альбом. Тут же — раскрытая на какой-то, видимо, очень важной странице — лежала заветная Верина книга. Наверное, Зои позаботилась об удобстве гости. Мило, конечно. Но не очень-то приятно постоянно чувствовать себя под надзором.

Из нарядов, в художественном беспорядке развешанных на крестообразных подставках-манекенах, Вера выбрала нежно-сиреневое платье до пят, подпоясалась широкой шелковой лентой, причесалась, заплела косу и решительно вышла из раздевалки навстречу нетерпеливому шуршанию Зои, поджидавшей в соседнем помещении.

В тот же день Ариадна познакомила Веру с многочисленной критской роднёй. Царица Пасифа со слезами на глазах долго вертела Веру перед собой, рассматривая со всех сторон, ахая, всхлипывая и восхищаясь. Вблизи лицо царицы действительно отдалённо напомнило девочке черты прабабушки с маминой стороны, которую Вера никогда не видела, но хорошо помнила старинную

чёрно-белую фотографию, на которой прабабушка была запечатлена молодой, весёлой и настолько хорошенькой, что Вера долго не могла глаз оторвать от потускневшей желтоватой фотокарточки. Но Ариадна была больше похожа на отца — русоволосого, с чуть лукавым прищуром внимательных серых глаз. Странным у него были глаза — вроде бы весёлые, с золотистыми искорками вокруг зрачков, но полные такой глубокой грусти, что задержишь взгляд на них — и самой тоскливо становится, — вроде бы задумчивые, словно погружён в себя человек, почти и не слушает, что ты говоришь, но в то же время пристальные, как будто он специально всматривается в тебя.

Но уж кто похож был на Пасифаю — излучающую столько энергии⁸, что, кажется, всё во Дворце именно ею и питается, и движется ежеминутно, — так это Феда, младшая сестра Ариадны, девчонка лет восьми, рыжая, как цветочек жарок, смешливая и неугомонная.

Что-то такое совсем нехорошее о ней смутно вспомнилось Вере из той, прежней, жизни, из той старой книжки. Книжка так книжка, честное слово! Что ни страница, то обязательно какая-нибудь космическая трагедия. Эх, прав был Гермес! «Все здешние истории полны печали». Одно утешает: по большей части всё, что там написано... да-да! почти никогда не соответствует действительности.

Однако, если совсем уж по правде, поведение Федры было Вере не слишком интересно. Её другое занимало — странность собственной связи с Ариадной. В какой-то момент Вера поняла, что постоянно слышит у себя внутри — то ли в голове, то ли ещё где-то в организме — голос Ариадны, даже и не голос, а словно мысли Ариадны возникают в её сознании, откликаясь на её, Верины, мысли. Причём всякий раз Вера определённо знала, что это именно Ариадна разговаривает с ней — точно так, как если бы это был её, Верин, внутренний голос. Никогда прежде этот самый «внутренний голос» не был для неё настолько очевиден, конкретен и понятен. Ведь, правда: когда мы разговариваем сами с собой, с кем на самом деле мы разговариваем?

Эти соображения на некоторое время выбили Веру из более или менее устоявшейся колеи.

«Вот интересно, — размышляла она, — было бы мне встретиться с собой — с той, которой я была три дня тому назад у себя дома, сидела на балконе, читала книжку... Та я и теперешняя я — это та же самая я или уже другая? Конечно, другая! Но та, позавчерашняя я, где же она? Неужели бесследно исчезла? А если не исчезла, и вдруг бы мы — р-раз! — и встретились? Вот как с Ариадной...»

Долго Вера так и сяк переворачивала в голове эти мысли, пока, наконец, не убедила себя принимать события такими, как есть, и не задаваться неразрешимыми вопросами.

Тем не менее факт оставался фактом — Ариадна с нею была неразлучна. Не сразу, но эта неразрывная связь, в конце концов, обоим стала ясна, что одновременно и упростило, и усложнило жизнь и той, и другой. Потому что, сталкиваясь друг с другом на физическом, так сказать, плане, обе испытывали смущение, граничащее с паникой, и необъяснимый ужас соприкосновения. И были моменты, когда, приближаясь к Ариадне, Вера чувствовала, что видимый мир вокруг расплывается, двоится — словно в нём, в очертаниях предметов, в красках и тенях, проступает и начинает смутно мерцать так недавно покинутый родной мир: её комната, двор с песочницей и качелями, ветки деревьев над перилами балкона... в глазах темнеет, и земля будто бы уходит из-под ног. Ариадна, похоже, переживала то же самое. Поэтому они обе старались «держать дистанцию». Да и зачем было им соприкасаться? Они и так всё время были заодно. Непрерывно.

В тот же день вечером, когда Вера уже подумывала вздремнуть в своих покоях, Ариадна прислала за ней Зои.

«У Миноса сейчас Агамемнон. Они беседуют в зале приёмов. Нам надо знать, о чём они говорят и до чего договорятся. Встреча секретная. Нас, как видишь, не пригласили. Но от Зои во Дворце никакое событие скрыть невозможно. Так что иди с ней», — слышала Вера голос Ариадны и отвечала ей мысленно: «А ты?» — «Мне труднее остаться незамеченной. Иди. Всё, что увидишь и услышишь, немедленно узнаю и я». — «Агамемнон и Калхас хотят смерти Париса», — Вера вздохнула. «И Тесея. Я знаю».

— Не отставай, Вера, — зашипела Зои, — и не отвлекайся.

— Да-да... — заторопилась Вера.

— И не ш-ш-ш-шуми...

— Не буду, — Вера только улыбнулась невольно, поспешая за мелькающим впереди хвостиком Зои, похожим на желтовато-коричневый кожаный ремешок.

Как ей удаётся так стремительно двигаться ползком? Уму непостижимо.

Зои привела Веру к какому-то, явно техническому, закутку, в котором, между глиняными бачками, деревянными швабрами, всяческими тряпками и верёвочными мотками, Вере снова предстояло слушать и мотать на ус.

«Сколько можно? — в глубине души возмутилась она. — Снова подслушивать! Кого-то не учили разве, что подслушивать — нехорошо?!» — «Не кипятись, — немедленно возразила Ариадна у неё в голове. — Надо — значит, надо. Ты уже проявила чудеса сообразительности в таверне „Доро“. А Минос, отец, до сих пор считает нас обеих .....

8. Пасифая — в переводе с древнегреческого означает «вся светящаяся».

недостаточно взрослыми для государственных дел. Он ошибается! Потом ему было бы трудно объяснить нам, почему мы должны делать то и так, а не это и этак. И вообще... многое может ускользнуть от него во время беседы с Агамемноном. Взгляд со стороны всегда надёжнее. Не так ли, Вера?»

Вера только вздохнула в ответ, устроилась поудобнее почти вплотную к вентиляционному отверстию (для этого ей пришлось встать на изгиб трубы, довольно удачно подвернувшейся под ноги) и стала со всем возможным вниманием смотреть и слушать. Сначала ей почти ничего не было видно, потом глаза её привыкли к полумраку, и она различила у противоположной стены зала, в котором прежде уже успела побывать и который про себя называла «кабинетом Миноса», знакомую фигуру. Это был Агамемнон, без сомнения. Он стоял вполоборота к креслу Миноса и раздражённо молчал. — Пойми, Атрид, — наконец послышался голос Миноса, — Тесей — не пленник. Он гость мой. Кем бы я счёл себя, если бы пренебрёг проксенией?⁹ Ты же знаешь, какими узами связаны мы с владыками Аттики и Пелопоннеса.

— Как же! — Агамемнон даже притопнул в подтверждение своих слов. — Так ли о проксении Эгей печётся? И хорошо же на Крите принимают афинских гостей, ежели они свободы лишены настолько, что не могут остров покинуть годами и без присмотра не остаются, где бы ни оказались. Не надо лукавства, Минос! Не хочешь выдать мне афинянина, так укажи место, где я сам его найти могу. Юноша этот опасен. Беда, если не остановим его теперь!

На мгновение отверстие, открывавшее Вере обзор, закрыла тень — Минос встал, приблизился к Агамемнону, и Вера несколько секунд могла довольно ясно видеть его лицо. Минос был огорчён и озабочен.

— Чем для нас опасен может быть Тесей? Он ведь уже понял, что в Кноссе ни ему, ни его спутникам ничто не угрожает. Какие бы сказки ни плели в Афинах о Крите, разве так принимают враги обречённых на смерть пленников? Он ведь не глупец. Или до сих пор подвоха ждёт? — Минос пожал плечами и прямо посмотрел в лицо докучливому собеседнику.

— У Тесея одна задача — убить Минотавра, — на последние два слова Агамемнон специально надавил голосом.

Минос расхохотался. Он смеялся так долго, что даже Вера почувствовала досаду.

— Ты это всерьёз, Атрид? — отсмеявшись, наконец осведомился Минос. — По-моему, давно нет никакого секрета. Насчёт Минотавра.

— Напрасно смеёшься, — буркнул Агамемнон. — Чем нелепее сказка, тем скорее в неё поверят.

А когда в сказку верят... почти все... она — хочешь ты этого или нет — становится сущей истиной. Или, думаешь, сына Эгей на Крит просто так послал? Красотами гор любоваться?

— Наверное, возобновить торговлю хочет Эгей... о прежней дружбе мечтает... Думаю, со дня на день Тесей попросит встречи — договариваться о взаимных уступках. Наша боль не утихла, но нельзя, чтобы скорбь положила предел добрососедству.

Тут уже Агамемнон издал что-то вроде хриплого смеха:

— Ты-то сам не в плену ли заблуждений, Минос? Всё, чего хочет Эгей, — уничтожить твоё царство и Крит прибрать к рукам. Как же такой лакомый кусочек оставить ненавистному гиперборейцу?!

Агамемнон приблизился к Миносу и понизил голос настолько, что Вера еле расслышала его слова:

— Вспомни о «Тауресе». Так ли прочна его защита?

— При чём здесь «Таурес»? Что ты знаешь о «Тауресе»? — Минос схватил Агамемнона за плечи и так тряхнул, что тот поперхнулся, закашлялся и прохрипел прерывающимся голосом:

— Не время притворяться, Минос... Неужели ты на самом деле веришь, что дела бессмертных надёжно сказками прикрыты?

— Скверно это, Атрид, — Минос тяжело вздохнул и отпустил аргивянина. — Надобно кое с кем посоветоваться, прежде чем говорить о судьбе Тесея. Согласен ли ты подождать?

— Три дня, — Агамемнон повернулся к выходу, сделал несколько решительных шагов, но вдруг остановился и, словно ни к кому не обращаясь, громко добавил: — И пусть всеблагое рассудят нас.

Когда шаги аргивянина затихли в скорых на эхо коридорах Дворца, Минос некоторое время беспокойно ходил по залу. Вера видела, что он взволнован не на шутку, что ему приходится выбирать одно из двух взаимоисключающих решений... и он рад бы найти третье, которое всех устроит, но его, по-видимому, нет. А цена... жизнь Тесея. Это Вера успела понять. Но вот зал приёмов опустел, и Вера — не без помощи Зои, конечно, — поспешила вернуться в свои покои.

Там её уже ждала Ариадна.

— Плохо дело, — царевна не могла скрыть переполнившего её... почти отчаяния. — Если Агамемнон знает о «Тауресе»...

— То что тогда известно Калхасу? — отозвалась Вера.

— Что тогда известно всем?... — Ариадна прижала ладони к вискам, словно пыталась получить ответ из глубин собственного мозга. — Нет... они знают о «Тауресе», но не знают, где он.

— «Они» — это кто? — шёпотом переспросила Вера.

Ариадна бросила на неё свой особый пронизательный взгляд:

— Кто-кто? Надо объяснять? Враги людей.

.....
9. Проксения — закон гостеприимства.

Вера поёжилась. Всё неудобней становилось ей на благословенном Крите, родине богов.

— И что «они» людям сделать-то могут? Понимаешь? Я знаю, о чём говорю.

— Да-да... ты знаешь. Но часы заведены без расчёта на бесконечность. Сейчас, именно сейчас можно повернуть вспять. К справедливости, к совершенству. Это — возможность, Вера! Слышишь?

— Может, и рада бы не слышать...

— Не говори глупостей! Подумаем, надо ли спасать Тесея... и — как его спасти?

— А Парис? — встрепенулась Вера. — Где он теперь, и как ему помочь?

Ариадна споткнулась на полуслове:

— Парис? При чём здесь Парис? Вера! Нужно уметь сосредоточиться на главном! Отбрось всё ненужное!

— Ничего себе ненужное, — у Веры от возмущения дыхание перехватило.

Ариадна тут же поняла её:

— Ну... не кипятись. Сейчас для нас главное — разыскать Тесея. Парис... я уверена: он в безопасности.

— Хочешь сказать, тебе неизвестно, где Тесей?

Ариадна, вздохнув, неодобрительно взглянула на неё:

— Скорее всего, в Схоликоне. Под присмотром Феба-Волка. И он, и все его спутники и спутницы. Но туда пробраться... целое дело, Вера!

— Так они всё же пленники?

— И да, и нет... У них есть всё, о чём в своей дикой Аттике они и слыхом не слыхивали. Все удобства, все чудеса учёности и магии. Но пока они не освоились, не приняли ценности Крита как свои собственные, их следует подержать... под присмотром. Что и делается. Пока длится это временное ограничение их свободы, никому — ни местным, ни чужим — не разрешается общаться с ними.

— Ясно, — хмыкнула Вера. — Но мы же должны узнать, с какой целью Эгей прислал сюда Тесея... и — да! — что самому Тесею известно о «Тауресе».

Ариадна — несмотря на взаимные опасения, продиктованные опытом, — порывисто обняла Веру, и они обе вдруг поняли, что нужно делать.

— Феб Аполлон — на нашей стороне!

— Ой, Ариадна! А какова она, наша-то сторона?

— Мы за людей, Вера! За человечество!

Глава четырнадцатая,

в которой Тесей всё-таки отправляется в Лабиринт, а Вера поневоле приобщается к менталитету¹⁰ растений

Схоликон — по рассказам Ариадны, это заведение представлялось Вере чем-то вроде университета, — располагался в живописной долине неширокой, но быстрой и глубокой речки. Это была, скорее всего, единственная территория Дворца,

ограждённая каменными стенами со всех сторон и надёжно охраняемая. Вера удивилась — зачем?

— Растущему уму до определённого момента необходима особая среда. Создать её — дело долгое, тонкое и очень трудное. Нельзя, чтобы посторонние вносили в неё свои мысли и вещи, — объяснила Ариадна, — тем более там, в Схоликоне, столько интересного, такая богатая событиями жизнь, что никому из схоликастов даже в голову не приходит выходить за территорию. Да и знают они, что время пребывания в Схоликоне ограничено... Наступит день, когда ворота распахнутся, и для них начнётся взрослая жизнь. Свободная, но полная лишений и труда. Почти всегда схоликасты к ней готовы. Я сама вышла из этих ворот всего три лета назад.

— А я? Меня примут в Схоликон?

Ариадна улыбнулась:

— Не будем загадывать, Вера... Полагаю, всё то, что знаю я, каким-то неведомым мне образом постепенно переходит к тебе само собой. Я ведь вижу твои сны, Вера. А ты — мои?

— Да, — Вера мгновенно вспомнила своё путешествие с Реей над облаками, — наверное.

— Схоликон — любимое детище Феба Волка. Он приглядывает за всем, что здесь делается, с самого основания.

— Почему Волка?

— Аполлон — просветитель и покровитель всего прекрасного — может явиться волком, дельфином, ястребом, ящером или даже мышью. Волк — его любимый образ. Сильный, храбрый, мудрый вождь стаи, благородный, беспощадный к врагу, — уловив Верину ироническое чувство, Ариадна нахмурилась: — Почему бы и нет?

И правда — почему бы нет?

Подобно университету, Схоликон состоит из «факультетов» — Домов. Самые маленькие ученики — девочки и мальчики семи-девяти лет — принимаются в Понтикон, Дом Мыши. Через шесть лет каждый из них должен определиться, к какому Дому примкнуть на следующие шесть — Дому Дельфина, Дому Ястреба, Дому Дракона или Дому Волка.

Насколько Вера смогла понять, «дельфины» обучаются морскому делу и всему, что связано с морем и прочими водами. Поэтому Дом Дельфина не обходится также без внимания Посейдона. Феб Аполлон не слишком рад участию дяди в своих делах, но вынужден с ним смириться — такова воля Зевса, против неё не пойдёшь.

В Доме Ястреба учатся будущие лесничие, охотники, знахари, маги и врачи, знатоки растений и животных и всего того, что называют небесными явлениями, включая погоду и расположение планет и звёзд. За «ястребами» присматривает Феба Артемида, сестра-близнец Аполлона.

.....

10. Менталитет — склад ума, образ мышления какого-либо сообщества.

Дом Дракона, опекаемый славным семейством Драгайнов, с представительницей которого Вера уже успела познакомиться, воспитывает техников-инженеров — так для себя определила Вера. За «драконами» присматривает также Дедал, выбирая из выпускников Схоликона сотрудников в лаборатории и мастерские Лабиринта.

А в Доме Волка готовят государственных деятелей — управленцев и дипломатов.

В Схоликон принимают учеников без различия пола и вида. Потому что — Вера скоро убедилась в этом, — наряду с людьми, в Схоликоне учат юных кентавров, драгайнов и прочих разумных, бок о бок с которыми на Крите веками живут минойцы.

Самых младших принимают в Схоликон по желанию родителей. Им и детям подробно разъясняют условия: и родители, и дети знают, что будут разлучены, что дети на целых двенадцать лет будут отделены от внешнего мира, что видиться им можно будет раз в году на несколько часов, да и то — схоликастов с первого года обучения связывают страшной клятвой, запрещающей рассказывать кому-либо извне о том, что происходит в Схоликоне. Тем не менее — слухами земля полнится: недостатка в учениках Схоликон никогда не знал, но никто не решился бы утверждать, что все минойские семьи жаждут обучать отпрысков именно здесь.

В Схоликон можно поступить и минуя Понтикон — сразу в один из старших Домов. Однако для этого нужно пройти испытания, о содержании которых распространяться схоликастам строго запрещено. В общем, интересное это место — Схоликон. Честно говоря, Веру распирало любопытство. Но ведь не на экскурсию же они с Ариадной собираются!

Ворота закрыты и заперты. Через стену пробраться можно... разве что одолжив крылья у Икара. Да и то... Стену постоянно охраняют вооружённые луками и стрелами неутомимые кентавры, так что и крылья не помогут, если что. А ведь попасть за ворота — полдела. Надо ещё узнать, в какой из Домов нынче определили прибывших из Афин юношей и девушек, пробраться туда и разыскать Тесея. И убедить Тесея, что ему не нужно «убивать Минотавра».

Рассматривая стены Схоликона с галереи башни Паратирис, Вера всё больше убеждалась в безнадёжности всей затеи.

— Может, просто поговорить с царём?

— Ты ещё не поняла, Вера? Отец всеми силами старается оградить нас от опасностей. Если он знает... мы обе и шагу не сможем сделать из своих покоев!

— Как же быть?

Ариадна помолчала.

— Надо подумать.

Они смотрели, думали, но ничего не придумывалось. Пробраться ночью через стену? Не

получится. Какая разница для кентавров-охранников — днём или ночью ползут непрошенные гости? Сделать подкоп? Совсем смешно... Сколько нужно копать, и как это сделать незаметно? Перелететь, позаимствовав крылья у Икара? Тоже не выход. Во-первых, придётся Икару объяснять, что да почему. Во-вторых, кентавры в равной степени внимательно смотрят вверх и по сторонам. Как-нибудь обмануть стражу, отвести глаза стражникам, напустить туману? Ну, это не про охрану Схоликона. Она сама кому угодно глаза отведёт.

Ещё несколько минут напряжённого молчания... и тут Веру озарило!

— Волшебные карандаши! Как же я о них забыла?

Ариадна недоверчиво подняла бровь:

— Что ты собираешься нарисовать?

Действительно — что?

— Плащи-невидимки! Вот что! — Вера фантазировала уже напропалую.

— Ой! — рассмеялась Ариадна, — Плащ-то нарисовать, конечно, не проблема! Но как этот плащ узнает, что он — невидимка?

— Попытка — не попытка, — заметила Вера, — надо попробовать.

Они попробовали в тот же вечер — в Вериной «раздевалке». Вера нарисовала на альбомном листе отличный длинный плащ с капюшоном, подумала немного и подписала рисунок — «плащ-невидимка».

— Раз-два-три!

К изумлению обеих, рисунок медленно исчез с листа.

— Ну вот... решил, что он сам невидимка, а не мастер невидимости, — огорчилась Ариадна.

— Погоди, — Вера пошарила под столом и — о радость! — тут же нащупала мягкую ткань плаща. Он действительно был не видим, но вполне себе ощутим.

— Смотри, Ариадна! — Вера накинула плащ на плечи и накрыла голову капюшоном. — Ну как?

— Получилось, Вера, получилось! Я тебя не вижу!

Вера сбросила плащ, аккуратно свернула его на ощупь и положила в сумку. Сделать такой же для Ариадны теперь не составляло труда. Таким образом, экипировка для проникновения в Схоликон была готова. Осталось разработать план— как это сделать. Тут уже долго думать не пришлось.

На следующий день, спрятавшись в роще перед южным входом в заведение, они дождались смены караула и, никем не замеченные, невидимками проскользнули в открывшиеся ворота.

— Ах, Вера,— прерывающимся от волнения голосом рассказывала Ариадна.— Сады Схоликона— самое прекрасное, что может быть на свете! Я совершаю преступление, возвращаясь сюда без разрешения, да ещё с чужеземкой. Впрочем, какая ты чужеземка? Ты— моё второе «Я». Однако наша цель того стоит, поэтому совесть моя спокойна. Смотри, Вера, какая красота! Это маленький Элейсон, ведь правда?

Вера очень смутно представляла себе Элейсон (Ариадна, впрочем, тоже), но сады Схоликона действительно были достойны восхищения!

Прямо от ворот начиналась широкая прямая лиственничная аллея— высокие деревья широко раскинули опавшую нежную, мягкой, благоухающую хвою над головами идущих и гуляющих, надёжно прикрывая их от солнца. Дома и дворцы Схоликона утопали в зелени и цветах. Речка журчала по чистойшей гладкой гальке. Всюду виднелись изящные деревянные и мраморные беседки, скамьи и скамеечки, скульптурные группы, фонтаны и тщательно ухоженные и украшенные родники и ручьи. Вера и Ариадна— невидимые и свободные— сразу оказались среди разновозрастных схоликастов, которые группами и поодиночке расхаживали тут и там— в сопровождении мастеров-наставников и сами по себе. Где же искать афинян?

— Вера, слышишь?— вдруг насторожилась Ариадна.— Это ведь ионийская речь, не так ли?

Вера прислушалась. На лужайке под цветущими липами, издававшими сладкий дурманящий аромат, прямо на траве расположились девушки в непривычных для Крита тёмных одеждах. Вид у них, однако, был отнюдь не грустный, они весело переговаривались, смеялись и с удовольствием поедали ягоды и орехи из белых и розовых глиняных чашечек, которыми обменивались по ходу разговора. Диалект¹¹ точно был ионийский. Каким образом Вера это поняла— загадка. Вера вообще как-то очень быстро пропитывалась знанием, о существовании которого прежде даже и не подозревала.

Скорее всего, эта работала память Ариадны. Но ведь и её, Верина, память?

— Афинянки?

— Очень похоже.

— Значит, и Тесей где-то рядом... поищем. Мы на верном пути.

Они ещё побродили кругами рядом с лужайкой, на которой веселились юные дочери Аттики, пока Вера, наконец, не заметила неподалёку, в тени раскинувшихся по берегу высоких кустов мирики, одинокую фигуру, расслабленно притулившуюся к изогнутому стволу.

Здоровенный детина, вся одежда которого состояла из не слишком чистой набедренной повязки, спокойно дремал над маленькой заводью, переливавшейся серебристой рябью.

«Это он!»— подумала Ариадна. Подумала достаточно громко, потому что Вера тут же откликнулась— мысленно: «Почему— он?»— «Не похож на ученика. Телосложение-то какое!»— «Атлетическое,— беззвучно усмехнулась Вера,— прямо качок какой-то».— «Ну и выражения у тебя! Я бы сказала— богатырь, воин, витязь!»— «Я бы тоже так сказала, но не внушают мне доверия такие персонажи... У нас ещё говорят: сила есть— ума не надо».— «Откуда сила возьмётся без ума?»— искренне огорчилась Ариадна.— «Давай проверим, точно ли это молодой афинский царь?»

— Тесей,— негромко позвала она,— Тесей, очнись!

Детина встрепенулся, открыл глаза и с явной тревогой огляделся по сторонам. Невидимые и свободные, наши героини без малейшего смущения наблюдали за его реакцией.

— Видишь?

— Вижу. Что дальше?

Ариадна решительно сбросила плащ на траву и, не теряя времени даром, подошла к остолбеневшему от неожиданности парню.

— Тесей, что ты здесь делаешь?

Парень, кажется, опешил бы ещё больше, если бы его не возмутило поведение незнакомки, столь непохожее на манеры ионийских скромниц, не смеющих глаза поднять в присутствии мужчины.

— Ты кто такая?— Тесей мрачно сверкнул глазами в сторону непрошеной гостьи.

Вере сразу расхотелось следовать примеру Ариадны и обнаруживать себя перед «молодым афинским царём».

— Никто,— не отводя глаз, парировала Ариадна.

— Чего тебе надо?

— Ничего. Просто узнала тебя, Тесей. Не понимаю только, что ты делаешь в Схоликоне— вопреки желанию богов и собственной совести.

— Если знаешь меня, значит, знаешь, что я здесь не по своей воле.

— И надолго?

Тесей саркастически усмехнулся:

— Пока Минос не откормит нас настолько, чтобы Минотавр не побрезговал негодной пищей.

Ариадна помолчала, нервно переступая с пятки на носки и обратно.

.....

11. Диалект— местное наречие, говор.

— Простейшее объяснение. Других соображений относительно последних событий у тебя нет?

— Есть, — Тесей встал и, разминая мышцы, пошевелил плечами. — Минос хочет видеть меня завтра в полдень. Одного.

— С какой целью?

— Не знаю. Да и кто ты такая, чтобы я с тобой разговаривал об этом?

— Давай начистоту. Ты Тесей, сын Эгея. А я — Ариадна, дочь Миноса. Я знаю, что тебе грозит смертельная опасность. И не от Минотавра, поверь. Тут дела пострашнее. Могу помочь.

Тесей поджал губы и буквально просверлил Ариадну взглядом.

— Почему я должен тебе верить?

— Потому что ничего иного тебе не остаётся. Или Минос с его беспощадным гостеприимством. Или... дорийцы с их звериным страхом и завистью. В любом случае Тесею несдобровать. А я знаю выход.

Тесей отвернулся, постоял в нерешительности, потом шагнул к Ариадне и, словно понуждая её к искренности, схватил за руку:

— Зачем тебе это?

И тут Ариадна сделала такое, отчего у Веры дух перехватило (эх, будь я у себя на кухне, я бы сказала, что у неё челюсть отвисла от изумления, но здесь полагается вести себя прилично, вот я и выбрала более или менее подходящее приличное выражение): она встала на цыпочки, обняла Тесея за плечи и, прямо глядя ему в глаза, проговорила таким тоном, от которого даже у Веры мурашки побежали по спине:

— Затем, что ты мне нравишься!

Бедный Тесей! От такого у кого хочешь разум помутится! Однако парень быстро совладал с собой, мягко отстранил Ариадну и строго спросил:

— Что дальше?

— Я отведу тебя в надёжное место, — сказала Ариадна, — безопасное и полезное.

Тут она, чтобы Вера наверняка её поняла, очень громко подумала: «Зря мы не взяли с собой волшебные карандаши. Ну ничего. Мы так поступим: ты отдашь свой плащ Тесею, я выведу его за ворота, спрячу в Лабиринте, а потом вернусь за тобой. Пока ты здесь, тебе ничто не угрожает. Ты, Вера, внешне ничем не отличаешься от учениц Понтикаона. Веди себя естественно — и всё. Я постараюсь не задерживаться. Согласна?» — «Попробовала бы я не согласиться», — мысленно проворчала Вера. Идея Ариадны ей ужасно не понравилась. Но делать нечего — раньше надо было шевелить мозгами.

Ариадна ошупью нашла рядом её руку, не обращая внимания на удивлённый взгляд Тесея, увлекла девочку за ближайший мириковый куст, чтобы не вызывать у нового знакомца лишних

вопросов, бесцеремонно стащила с неё плащ и вернулась с ним к царевичу.

Осторожно раздвинув ветки, Вера сквозь плотные, почему-то пахнувшие супом¹² листья видела, как Ариадна что-то объясняет Тесею, потом надевает на него плащ — парень моментально исчез из виду, потом сама накрывается плащом, — и Вера снова осталась в полном одиночестве.

Сначала она просто сидела на берегу, бродила кругом по тропинкам, мурлыча под нос: «Если весело шагать по просторам...» — старую мамину детскую песенку...

«Как-то там мамочка? Далеко-далеко, давным-давно... неужели забыла дочку? Или ищет её до сих пор? Переживает, плачет... Милая мамочка, знала бы ты...»

Потом ей пришло в голову, что давненько не навещал её Гермес, «побудительная мыслеграмма». Или бессмертные уже и впрямь махнули на неё рукой — пусть разгуливает без божественного присмотра пахальная девчонка по Древнему Криту? Авось не натворит чего не надо.

От этой мысли Вера даже развеселилась. Столько всего произошло за последнее время, что она, кажется, даже утратила способность по-настоящему удивляться. Сам факт присутствия рядом бессмертных воспринимался теперь как нечто само собой разумеющееся. Странно было, что никто из них уже несколько дней подряд не проявляет к ней интереса.

А этот день, похоже, неуклонно двигался к середине. Солнце стояло высоко и пекло нещадно. Вера укрылась от его лучей в тени мирики и тут только заметила, как непривычно тихо вокруг. Не трещали цикады. Не свистели и не чирикали птички. Даже речка будто бы перестала журчать. А главное — Вера не слышала, о чём думает Ариадна! Связь исчезла!

«Видно, слишком занята царевна хлопотами о новом приятеле, раз даже думать перестала в мою сторону, — ревность больно царапнула Верино сердце, но она тут же отругала себя за эту слабость: — Только представь, как ей сейчас нелегко! „Занята“... конечно, занята! Не то что ты, бездельница! Полдня уже растратила в сущности ни на что! Надо что-то делать!» — Вера вскочила и быстрым шагом, почти бегом, пошла по тропинке, которая должна была вывести её на лиственничную аллею.

Вдруг что-то кольнуло её в шею. Вера хлопнула ладошкой по ужаленному месту, почувствовала в руке жёсткое шевелящееся тельце насекомого, разжала пальцы... у неё на ладони дёргал лапками и расправил крылышки огромный овод.

«Ну вот... и намазать нечем, чтобы не чесалось», — она раздражённо сбросила овода на тропинку и только хотела раздавить насекомое сандалией, как жужжащий овод со страшной скоростью завертелся вокруг собственной оси — и нате вам, пожалуйста: перед Верой, посмеиваясь, нарисовался Гермес.

12. Неудивительно, что мирика «пахнет супом»: это ведь дикий лавр, и листья её — лавровые.

«Всего-то и надо было — вспомнить», — Вера не ощутила радости при появлении старого знакомого, но всё же заставила себя вежливо улыбнуться и даже пробормотать что-то вроде приветствия. — Ну и как тебе? В дивном старом мире? — съехидничал Гермес.

— Великолепно! Что тебе велено передать на этот раз? И кем — кем велено?

— Невежественная и невоспитанная.

— Да. Это я. И что?

— Думаю, тебе сейчас очень нужно оказаться где-нибудь вне Схоликона.

— Не тороплюсь.

— Ух, какая ты стала смелая, Вера. Но некоторые — только вообрази! — так не думают.

— Кто тебя послал, Гермес? Я же знаю — сам по себе ты никогда не являешься.

Гермес расхохотался. Но как-то неуверенно. Он посмотрел на небо — и небо затянуло тучами. Он цыкнул зубом — и сверкнула молния. Он махнул рукой — и Схоликон накрыло волной тумана.

— Посейдон! — крикнула Вера. — Чего ты хочешь от меня?

— Чтобы ты убралась отсюда. Как можно скорее.

— Я бы рада. Но — как?

Речка — такая спокойная и мирная — вдруг вздулась, как разъярённый горный поток, и со всей дури кинулась на берега. Вера вскрикнуть не успела, как волна подхватила её, захлестнула и потянула за собой — в глубину...

Вера очнулась на поляне, которая показалась ей странно знакомой. Да-да... верно. Вот здесь она

впервые увидела Париса. Безмятежно спящего подростка-пастушка. А вот здесь пахли козы. А вот здесь её купала Лириопа.

Вера, шагаясь, поднялась на ноги, попыталась шагнуть. Но тут в тумане перед ней выросли две гигантские фигуры.

Одна, мужская, уходила макушкой в небеса — космаята, в каких-то зелёных лохмотьях. Другая — пониже ростом — о! Вера узнала её: Афина Тригоения. Она и сейчас была безупречна — в серебристом космическом комбинезоне, с гладко зачёсанными волосами, собранными на затылке в пучок. И с ледяной усмешкой на бледно-розовых губах. — Вера, — Афина старалась быть ласковой, это у неё не слишком получалось, но она прилагала усилия, чтобы не испугать девочку, — ну что ты опять натворила?

— Я натворила?! — у Веры слёзы брызнули от возмущения. — Как же я хочу, чтобы вы все оставили, наконец, меня в покое!

— Ах, Вера, как же мы все хотим тебе покоя! Только пожелай!

— Чего пожелать?

— Ну... кем ты хочешь быть? Выбирай! Птичкой, бабочкой, деревом? — Афина откровенно ехидничала.

— Деревом, чтоб вам пусто было, — окончательно потеряв над собой контроль, закричала Вера, и тут же что-то не больно, но крепко ударило её в живот.

— Что это? — Вера почувствовала, как что-то неподъёмной тяжестью опутывает её ступни, потом щиколотки, она уже не ощущала пальцев ног... потом похолодели колени... потом... Вера перестала чувствовать сердце. Веки её сами собой сомкнулись...

— Де-е-е-еву-у-ушки-и-и-и... Посмотрите, у нас новая сестра...

— Ой, какая... тощая... чахлая...

— Ей не давали воды?

— Не давали... не давали... но она поправится — надо звать Лириопу.

— Да. Надо звать. Надо звать Лириопу.

До Веры сквозь сон доносились протяжные нежные голоса. Она снова стала слышать и видеть, но не глазами, а как бы всем телом... словно глаза и уши у неё были по всему телу... да и тело-то было — большое-пребольшое... широкое-преширокое...

Вот она почувствовала, как из пруда поднялась нежная маленькая наяда... та, которая учила её, Веру, доить козу.

— Моя бедная девочка, — шептала Лириопа, — как они жестоко поступили с тобой! Но зато теперь у тебя есть покой... покой и воля! Радуйся, Вера! Ты теперь — дикий лавр, мирика. Ощути, какая это радость — быть растением! Почувствуй блаженство, Вера!

Продолжение следует...